

Анна
Берсенева

Ангел-хранитель

Анна Берсенева
Ангел-хранитель

«Анна Берсенева»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Берсенева А.

Ангел-хранитель / А. Берсенева — «Анна Берсенева», 2017

ISBN 978-5-04-004148-0

Три крестьянских сына, три барышни-дворянки – и старинная подмосковная усадьба, в которой на протяжении всего XX века разворачиваются события их жизни. Усадьба Ангелово – не фон для действия, а «центр силы» двух больших семей, с ней связаны для Кондратьевых и Ангеловых любовь, утраты, измены, самоотверженность, творчество, счастье. И все, что происходит с главными героями, а потом с их детьми и внуками, овеяно мистикой старинного дома, Обратневой пустоши, родника в ангеловском парке. Может быть, действительно хранит эту местность Ангел, исчезнувший в Гражданскую войну вместе с частью фамильной коллекции, но незримо присутствующий в судьбах героев? Основой для романа стал сценарий многосерийного художественного фильма.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-004148-0

© Берсенева А., 2017
© Анна Берсенева, 2017

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	27
Глава 9	31
Глава 10	33
Глава 11	37
Глава 12	41
Глава 13	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Анна Берсенева, Владимир Сотников

Ангел-хранитель

© Сотникова Т., 2017

© Сотников В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Часть I

Глава 1

– Ли-ида, я не хочу лук! Он горький!

Надя смотрела на маленькую разрезанную луковицу, лежащую перед ней на фарфоровой тарелке, и изо всех сил старалась не заплакать. Она не хотела выглядеть капризницей, но как удержишься, когда тебе только семь лет, а все время приходится делать то, чего делать совсем не хочется? Лида и сама бы, может, так не смогла в детские свои годы.

– Надо съесть, Надюша, – вздохнула она. – Чтобы не заболеть испанкой. В луке фитонциды.

– Я скоро в Пиноккио здесь превращусь с этим луком! – сердито сказала Вера.

Она, как и Надя, сидела за столом в пальто. Дрова этим летом заготовить не удалось, и теперь, осенью, топить ангеловский дом было почти нечем. Одна Лида выходила к ужину по-прежнему в суконном платье, только в шаль куталась. Вера же считала, что никакой порядок вещей не стоит того, чтобы рисковать ради него здоровьем.

Вера жевала свою луковицу с отвращением, но не морщась. И слезы у нее из глаз не текли. Не только характер в семнадцать лет кремень, но даже физический состав. Никогда Лида не мечтала быть похожей на среднюю свою сестру, но теперь, пожалуй, не отказалась бы обладать такой внутренней силой, как у Веры. Да и кто в тяжелые времена откажется от сил душевных?

– А я – в фею с голубыми волосами! – воскликнула Надя и засмеялась.

Вера бросила на нее сердитый взгляд. Наверное, ее раздражала Наденькина способность к мгновенному переходу от печали к радости. Лиде же эта способность их младшей сестры казалась даром божьим.

Тут Вера зорким глазом заметила, что сама Лида к своей луковице не притрагивается.

– Нас заставляешь, а сама не ешь. Почему? – с подозрением поинтересовалась она.

– Так, – смущенно ответила Лида. – Я после съем.

Причину ей называть не хотелось. Даже непонятно отчего – вряд ли эта причина была тайной для Веры, да и для Наденьки, пожалуй.

– Черт знает что! – сердито сказала Вера. – Витамины из лука! Кофе из желудей! А зимой? Снег прикажешь есть?

– Не чертыхайся, – напомнила Лида.

Но Веру было не остановить.

– Не понимаю, чего мы ждем! – воскликнула она. – Вертковых сожгли. Павлицевых забрали в ЧК. Что папа собирается делать?

– Что и всегда мы делали, – пожала плечами Лида.

– При чем здесь всегда? Всегда Гражданской войны не было!

– Детей надо учить. Это никогда не изменится.

Вера фыркнула, но возражать не стала. Не оттого, что согласилась со старшей сестрой, а лишь для экономии времени, конечно. Что может сделать Лида? Как папа решит, так и будет.

– А почему папа обедать не идет? – спросила Надя.

– Он занят, – ответила Лида.

Произнесла она это машинально. Отец не делился с дочерьми ни планами своими, ни даже повседневными намерениями. В прежние времена причиной было то, что Лида называла одиночеством его, не одиночеством, а вот именно одиночеством. Она возникла после того, как мама умерла родами Наденьки, да так и не прошла. Прежде отцовская замкнутость вызывала у Лиды уважение, а теперь стала пугать. Что у него на уме? Неведомо.

Глава 2

Тем временем Андрей Кириллович Ангелов, инженер, профессор Московского университета и владелец усадьбы Ангелово, занят был тем, что разбирал иконостас в сельской церкви. Занятие его выглядело странно и даже криминально; так Ангелов назвал бы его, если бы разум его искал сейчас каких-либо названий для происходящего.

Но разум профессора Ангелова был занят лишь соображениями практического толка – отчасти в силу природного устройства, отчасти оттого, что он не находил время, в которое угодил на старости своих лет, подходящим для отвлеченных размышлений. Их следовало доверить будущему – так же как и знаменитый ангеловский иконостас.

Иконостас этот был уже почти весь разобран. Андрей Кириллович укладывал иконы в дубовые ящики, специально для них предназначенные. В этих ящиках они на протяжении целого века доставлялись в усадьбу, как и все другие предметы любовно собираемой семейной коллекции. Добротные, отлично пригодные для драгоценных предметов, да и сами собою представляющие ценность, ящики хранились в парковом флигеле. Каждый раз, когда Ангеловская коллекция – не вся, разумеется, а частями – экспонировалась в Санкт-Петербурге или в Европе, эти ящики извлекались на свет божий и использовались для транспортировки.

Андрей Кириллович работал быстро и с тем особенным умением, которому его еще в детстве обучил покойный Илья Кондратьев. Илья был деревенским златокузнецом, но в руках его спорилась любая работа. Маленький Андрюша удивлялся в детстве даже не этому, а тому, что Илья не замечает того, как красиво и ловко он делает любое дело.

– А чего там замечать? – удивлялся Андрюшину удивлению Тимка, сын Ильи. – Как по-другому-то?

Сам Тимка был с ленцой, и у него как раз работа получалась «по-другому», за что отец не раз драл его за вихры. Но Тимка был закадычный друг детства, а значит, критике с Андрюшиной стороны не мог быть подвержен.

Ангел-хранитель был последней иконой, которую осталось уложить в ящик. Андрей Кириллович остановился перед нею.

Сверкали в тусклом свете свечи яхонты, которыми была украшена риза. Андрей Кириллович помнил, как впервые увидел эту россыпь яхонтовых огоньков – на луговой траве...

Тимка подбежал к Андрюше, когда тот уже промывал кисти и собирался складывать мольберт.

– Брось ты свои картинки! – воскликнул он. – Гляди, чего у меня.

На широкой Тимкиной ладони лежали разноцветные камушки. Они были круглые и гладкие, и в глубине каждого играл огонек.

– Красивые... – сказал Андрюша. – Откуда они у тебя?

– Тятка дал.

Тимка ответил без заминки, но по тому, как шевельнулся кончик его веснушчатого носа, Андрюша понял, что его друг врет.

– Посмотреть дал? – уточнил он.

– Насовсем, – снова соврал Тимка.

– Они же для ризы, – покачал головой Андрюша.

О том, что Илья Кондратьев делает ризу для иконы Ангела-хранителя, которую недавно привезли в усадьбу, Андрюша знал от мамы.

– Ну-у дак... – протянул Тимка. И тут же нашелся: – А я с тяткой вместе ризу и делаю!

– И он тебе камни для ризы поиграть дал? – наконец не выдержал Андрюша; он не терпел вранья. – Врешь ты все!

А Тимка уже, кажется, и сам поверил в то, что выдумал на ходу. Так ведь всегда и бывает: сначала приврешь, а потом как признаться? Приходится защищать свое вранье.

– Я – вру?! – возмутился Тимка. – Да я тебе...

Он угрожающе двинулся на друга, задев плечом мольберт. Холст, на котором Андрюша так старательно выписывал пустошь, закат и зарницы в багряном небе, шлепнулся на траву, и, конечно, все краски размазались.

– Ах ты!.. – в ярости воскликнул Андрюша, бросаясь на Тимку.

Мальчишки схватили друг друга за грудки. Камушки, из-за которых весь сыр-бор разгорелся, посыпались в траву.

Хоть они и были ровесниками, обоим только-только по десять лет исполнилось, но Тимка был шире в плечах, да и драться ему приходилось чаще. Он уже прижимал Андрюшу к земле – и вдруг тот увидел, что Тимка замер с открытым ртом, вглядываясь во что-то перед собой. Хватка его ослабела, Андрюша вывернулся, вскочил на ноги... И увидел, что заставило замереть Тимку.

Через пустошь, прямо из-под багряного заката в сполохах зарниц бежал волк. Он двигался неторопливо, но приближался почему-то очень быстро, и было уже видно, какой он большой, просто огромный, гораздо больше самого крупного волка, какого Андрюша видел в энциклопедии Брема... Через мгновение Андрюше показалось, что он видит волчьи глаза. Их взгляд, светлый, совсем не волчий, впился в него, морда зверя стала приобретать человеческие черты...

Наверное, Тимка видел то же самое.

– А-а-а!.. Оборотень! – завопил он.

– Тимка, беги! – крикнул Андрюша.

Может, ему только показалось, что крикнул: от ужаса у него онемели губы. Но Тимка в самом деле бросился бежать. А вот сам Андрюша бежать уже не мог: он оцепенел от звериного взгляда, голова у него закружилась, закатные облака превратились в кровавые капли и стали падать на него, будто с клыков волка-оборотня... Вскрикнув что-то нечленораздельное, он упал на траву.

Андрюша не видел, как Тимка оборачивается на его крик и бросается обратно, на ходу зачем-то вырывая из земли здоровенный куст репейника.

– Пшел! Пшел отсюда!

Этого Тимкиного крика Андрюша тоже не слышал. Правда, Тимка и сам словно оглох. Вернее, звук-то он слышал, но будто бы внутри своей головы. Тихий такой звук... Тимка вдруг понял, про что мамка говорила «ангельское пение». Но прислушиваться было некогда. Зажмурившись, он стеганул оборотня репейником...

Когда Тимка открыл глаза, волка рядом не было. На траве лежал без сознания Андрюша.

– Анд-дрюха! Ты чего?! – стуча зубами от ужаса, пробормотал он. – Вставай...

Увидев, что Андрюша не приходит в себя, Тимка бросился в деревню.

Когда он вбежал в избу, отец еще работал – тюкал тонким молоточком по серебряной ризе.

– Тятя! – трясась, воскликнул Тимка. – Там... там...

Отец поглядел исподлобья: не любил, когда от работы отвлекали. Да это было раз и навсегда Тимке заказано.

– Ну? – спросил он. – Чего стряслось?

– Оборотень... Андрюху... загрыз... – дрожа, выговорил Тимка.

– Ты что плетешь? – нахмурился отец.

– Вот те крест! Оборотень на нас кинулся... Андрюха упал...

По тому, как трясся и крестился обычно бесшабашный сын, отец, видно, понял, что дело нешуточное.

- Где? – быстро спросил он, уже идя к дверям.
- На пустоши, возле баньки!
- Беги к барыне, – на ходу бросил отец. – Скажи, беда!

Илья и принес Андриюшу в усадьбу – целого, без единой царапины, но так и не очнувшегося. И водой его отливали, и тормошили – ничего не помогало.

Когда Андриюша пришел в себя, солнце светило сквозь светлые шторы. Окно было открыто, веял ветерок.

Он чувствовал такую слабость, словно до изнеможения бегал по ангеловскому парку.

– Это и неудивительно, – сказала мама, подавая ему лекарство в серебряной рюмочке. – Ведь ты целые сутки был без сознания! После того как тебе померещился оборотень, у тебя случилась нервная горячка.

– Он не померещился. – Андриюша помотал головой. – Мама, я тоже думал, что оборотней не бывает. Но я сам его видел! Почему он приходил?

– Милый мальчик мой, ты вырастешь, станешь ученым, – ласково сказала мама. – Ты ведь хочешь стать ученым? – Андриюша кивнул. – Вот тогда тебе будут понятны все явления природы.

Андриюша хотел возразить, что оборотень точно был, он его своими глазами видел, – но тут со двора донесся Тимкин голос:

- Андриюха! Глянь в окошко!
- Куда ты? Тебе нельзя! – воскликнула мама.

Но Андриюша уже вскочил с кровати.

Под окном стояли Тимка и его отец. Илья Кондратьев держал что-то, покрытое куском домотканого льна.

– Выдь сюда! – позвал Тимка.

Не слушая маминых возражений, Андриюша выбежал из комнаты.

– Гляди, Андрейка! – широко улыбаясь, сказал Илья, когда тот выскочил на крыльцо.

Он снял ткань, и на Андриюшу глянул лик Ангела. Сверкала на солнце серебряная риза, сверкали огоньки в разноцветных яхонтах...

– Какой же ты великий мастер, Илья... – с восхищением сказала мама, тоже вышедшая на крыльцо.

– Мы, Кондратьевы, все такие! – довольно хмыкнул Тимка.

– А ты при чем? – засмеялась мама. – У отца твоего золотые руки. А ты сорванец. Смотри, лениться станешь – всех Кондратьевых опозоришь.

Тимка насупился: ему явно неприятны были назидания барыни.

– Камушки те самые? – пока мама крестилась на икону и рассматривала ризу, тихо спросил Андриюша. – Мы ведь рассыпали вчера...

– Отец собрал потом, – так же тихо ответил Тимка. – За вихры меня отодрал.

– Вот, мальчики. – Мама обернулась к ним, улыбаясь. – Теперь Ангел нас всех хранит! И никакие оборотни нам не страшны. Нам вообще нечего бояться. Пока мы вместе, все будет хорошо!

Андриюша смотрел на икону, и ему казалось, что он видит ясную и печальную улыбку Ангела-хранителя и даже слышит его голос. Только не говорит он, а будто поет.

Профессор Ангелов молча смотрел в глаза Ангела-хранителя на иконе. Они посверкивали печально, но ярко, как яхонты на ризе.

– Что вы делаете, Андрей Кириллович? – услышал он и обернулся.

В дверях стоял Федор Кондратьев.

– Здравствуй, Федор, – кивнул Ангелов. – Не знаешь, что делают в церкви?

– В церкви обычно иконостас разбирают? – усмехнулся тот.

– А тебе нужны эти иконы? – пожал плечами Ангелов. – Насколько я успел понять, у большевиков другие ценности.

– Иконы нам не нужны, – согласился Федор. – А ценности нужны.

– Ризы?

– В том числе. Куда вы все это уносите?

Скрывать что-либо от Федора Кондратьева не имело смысла. И не потому, что он возглавлял теперь уездную власть, а потому что одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: этот человек рожден для того, чтобы распоряжаться не только своей судьбой, но и многими чужими. И всегда это было понятно, кстати, даже когда Федор был мальчишкой. Впрочем, ему и теперь чуть больше двадцати.

– Сейчас – в усадьбу, – ответил Ангелов.

– А потом?

– Здесь всё пропадет, – сказал Андрей Кириллович. – Ты и сам это понимаешь.

– А в усадьбе, думаете, сохранится? – вздохнул Федор.

Ангелов испытующе посмотрел ему в глаза и сказал:

– Это от тебя зависит.

Федор промолчал. Постоял, глядя на Ангела-хранителя, потом так же молча вышел из церкви. Проводив его взглядом, Ангелов взял икону и уложил ее в дубовый ящик.

Глава 3

У родителей Федор бывал теперь редко, но не жалел об этом. Входя в родной дом – в месяц раз, может, – он чувствовал одну лишь тягость.

И сегодня тоже. Даже в тусклом свете лучины было заметно, какой унылый разор царит теперь в избе. А ведь Кондратьевы никогда не бедствовали, и дом, поставленный дедом Ильей, был в деревне из лучших.

– Здорово, Федь, – сказал Степан.

Он один улыбнулся брату и, отложив упряжь, которую чинил, встал ему навстречу.

Восьмилетний Пашка не сразу и заметил, что в избу кто-то вошел. Подняв голову от фигурки, которую вырезал из дерева, он посмотрел на старшего брата таким нездешним взглядом, какой Федор видел на картине итальянского художника Боттичелли в альбоме ангеловских барышень.

Мать месила тесто с такой яростью, словно не тесто это было, а горькое горе.

Но горе ее было не в квашне – сидело за столом, уронив голову на столешницу. Отец, как обычно, был пьян. Бутылка самогона, стоящая перед ним, была пуста. Услышав, что Степан здоровается с братом, отец поднял голову, посмотрел на старшего своего сына мутным взглядом и, ни слова не произнеся, придвинул к себе бутылку.

– Прорва ненасытная! – в сердцах бросила мать.

– Молчи, дура, – заплетающимся языком пробормотал отец.

– В могилу лягу – замолчу! Недолго тебе ждать, ирод! Ой, горе наше горькое! – запричитала мать. – Что с тобой случилось, Тимофей?!

– Ишь, завыла! Хватит, сказал! Самогону подай!

– Нету! И так картошку всю на проклятое зелье извел! Нету! – Она завыла. – Господи, был мужик как мужик... А революция настала – будто с цепи сорвался!

– Всю жизнь на цепи просидел! – Тимофей скрежетнул зубами.

– Брось, батя, – миролюбиво произнес Степан. – Пойдем, спать ляжешь.

Он попробовал поднять отца с лавки, но Тимофей оттолкнул его.

– Не трожь, Степка! Сам себе теперь хозяин! Поняли? Сам!

– Хватит тебе. – Федор снял фуражку, повесил на гвоздь. – Такое время настало! Перед народом все пути открылись. А ты спиваешься.

– А ты мне не указывай! – гаркнул Тимофей. – Думаешь, начальником заделался, так можно теперь отца учить?

Он погрозил Федору кулаком и попытался встать, но это ему не удалось.

– Господь с ним, Федя, – опасливо проговорила мать. – Ничего не поделаешь. Не надо на отца злиться. В кои веки заехал проведать, сынок, и злишься. Грех это. Сядь, поешь горячего.

Не глядя на отца, Федор молча сел за стол. Мать подала ему щи и хлеб.

– Морду воротить? – не унимался Тимофей. – Брезгуешь с отцом поговорить? Ангеловы во всем виноваты!

– Тять, ну чего ты? – сказал Степан. – При чем тут Ангеловы?

– Что я видел? – надрывно продолжал Тимофей. – Всю жизнь при них. Благодетели! А сами... Все, что отец, покойник, сделал, себе захапали!

Федор отставил нетронутую миску, бросил ложку и резко встал из-за стола.

– Уберегли, а не захапали, – бросил он. – Чтобы ты не пропил. – И, уже выходя из избы, добавил: – Не там виноватых ищешь, батя.

От этих сыновних слов сил у Тимофея прибавилось.

– Чего-о?! – прорычал он. – Отца учить...

Он встал, шагнул, схватился, чтобы не упасть, за плечо сидящего на лавке Пашки.

Федор вышел, хлопнув дверью.

– Тять, пусти, больно! – тоненько проскулил Пашка.

Взгляд отца упал на деревянную фигурку, которую тот вырезал. Тимофей выхватил ее у мальчика из рук и швырнул о стену.

– Ты что?! – воскликнул Пашка.

– А то, что хватит в бирюльки играть! – заорал отец. – Мне Ангеловы вот этим вот, – он кивнул на лежащую на полу фигурку, – всю жизнь поломали! – Пьяные силы оставили его, он упал на лавку и пробормотал: – Давно б их к стенке поставили, кабы не Федька...

Пашка в слезах выбежал из избы. Мать принесла из сеней и поставила на стол бутылку самогона.

– Пей уж, ирод! – всхлипнула она.

Когда мать задула лучину и ушла спать, Степан подсел к отцу.

– Может, не будешь пить, батя? – сказал он. – Помрешь ведь так-то, годы твои не молодые уже.

– Думаешь, не понимаю, что под горку качусь? – взявшись за бутылку, пробормотал отец. – Понимаю, Степа. А ничего с собой поделатать не могу. Барыня, бывало: «Вы с Андрюшей как родные», – передразнил он. – А только Андрюша учится, а мне: Тимка, сбегай, Тимка, Андрюшеньке подай!..

– Да они ж и тебя учили, – напомнил Степан.

– Так ведь таланта Бог не дал, Степушка, вот же что! – всхлипнул Тимофей. – Отцу моему дал, сыну моему Пашке дал, сам видишь. – Он кивнул на деревянную фигурку, белеющую на полу. – А мне – нет. Они и попользовались!

– Кто? – не понял Степан.

– Ангеловы! Всю жизнь на меня сверху вниз смотрели, помыкали всю жизнь...

Отец хотел налить себе самогона, но рука его упала. Степан отодвинул бутылку и сказал:

– Давай-ка, батя, спать уложу. Проснешься завтра, может, получше тебе будет.

– Добрый ты у меня, Степа, – пробормотал отец. – Федька злой. Пашка бирюлками своими только и занят. А у тебя душа... Вот тебе. – Он пошарил в кармане штанов и подал Степану выкованный из серебра перстень с голубым камнем. – Семейный наш. Тятка мой, дед твой, значит, Илья Кондратьев, для мамки моей сделал, когда женились они. Пускай у тебя будет. Не то пропью.

– Да ладно тебе, – пожал плечами Степан. – Чего ты вдруг?

– Стыдно мне, сынок, – пьяно всхлипнул Тимофей. И тут же зло добавил: – А только не я виноват! Несправедливо!

– Что несправедливо? – не понял Степан.

– Таланта Бог не дал, – повторил Тимофей. – Оттого вся жизнь наперекосяк.

Степан не принимал отцовские пьяные жалобы всерьез, да и просто пропускал их мимо ушей.

– Ну, не дал, и ладно, – примирительно заметил он. – Не всем талант иметь. Пойдем, отдохнешь.

Он поднял отца под мышки.

– Ненавижу их, сынок... – бормотал Тимофей, повиснув на крепких Степановых руках. – За что все им? Ангела отыму. От него у них вся сила. Отыму!

– Будет тебе. – Степан отвел его за занавеску, где стояла кровать. – Спи уж.

Через мгновение из-за занавески донесся отцовский храп. Степан подошел к окну и в ярком лунном свете стал рассматривать причудливое серебряное кольцо, лежащее у него на ладони.

Одной лишь луною освещалась и большая классная комната в усадебном флигеле. Парты, глобус – все казалось призрачным в этом бледном свете. И Лида, раскладывая по партам листочки с заданием к завтрашнему уроку, выглядела не девушкой живой, а сказочной красавицей. Впрочем, она и была красавицей; Вера всегда это знала. И про свою внешность знала: может, она и яркая, и с перчинкой, как говорил ей Веня Вертков из соседней усадьбы, но уж точно проигрывает старшей сестре.

– Зачем все это, Лида? – резко проговорила Вера.

Лида посмотрела на нее ясным взором, который сейчас показался Вере особенно раздражающим.

– Что – это? – улыбнулась Лида.

– «Опиши, как начинается ледоход», – взяв с парты листок, прочитала Вера. – «В каком месяце он бывает?» Им все это не нужно, неужели ты не видишь? Они презирают нас за то, что мы их учим!

– Ты ошибаешься, Верочка, – покачала головой Лида. – Может быть, не всем детям это нужно. Но многим.

– Да хоть и многим! Какое нам до них дело? Зачем ты лицемеришь?

– В чем ты видишь лицемерие? – укоризненно проговорила Лида.

– Вот в этом всем! «Учить надо будет всегда!..» – передразнила она сказанное Лидой за ужином. – Тебе просто нравится чувствовать свою значительность. Ты к этому привыкла и боишься что-либо менять. А жизнь переменялась! Полностью! И мы должны что-то предпринять. Иначе нас здесь просто убьют.

– Не убьют, – улыбнулась Лида.

– Я знаю, на кого ты надеешься, – сердито сказала Вера. – Но у него новая жизнь. Он в ней хозяин. А мы...

– Верочка, налей, пожалуйста, чернила в чернильницы, – с этой своей невыносимой безмятежностью перебила ее Лида. – Завтра дети придут рано.

Она достала из шкафа пузырек с чернилами и, протянув его сестре, вышла из класса.

Вера подошла к окну. В ярком свете луны она видела, как Лида идет через усадебный двор в парк, и ей хотелось запустить пузырьком ей вслед.

– Конечно, лук мы есть не стали! – процедила она.

И стала разливать чернила по чернильницам, стоящим на каждой парте.

«Рождение в людях ненависти – процесс необъяснимый. Что создает ее – зависть, нереализованность? Ненависть загадочна, как тот оборотень, которого мы с Тимкой увидели в детстве. Что хотела нам тогда сказать темная сила? Не знаю. И как сохранить сейчас то, что собиралось веками, не знаю тоже. Но я обязан сохранить».

Андрей Кириллович закрыл тетрадь и, встав из-за стола, вышел из кабинета.

Он шел по темному дому и думал о том, что не уверен в собственной правоте, а между тем собирается решить судьбу девочек в соответствии с тем, в чем не уверен. И как приобрести уверенность, и возможно ли это вообще? Он не знал.

Дойдя до большого зала, Андрей Кириллович услышал тихий голос. Кто угодно мог здесь обнаружиться по нынешним временам! Он неслышно приотворил дверь и замер, прислушиваясь.

Надя стояла перед иконой Ангела-хранителя – принеся час назад в усадьбу, Андрей Кириллович вынул ее из ящика и прислонил к стене – и, держа перед собою зажженную свечу, разговаривала с ним.

– Ведь ты сохранишь наше Ангелово? – спросила она как раз в то мгновение, когда отец открыл дверь. – Миленький, пусть все будет как раньше! Пусть люди снова будут добрые.

Андрей Кириллович вошел в зал. Услышав его шаги, Надя вскрикнула.

– Это я, Надюша, – сказал он. – Что ты здесь делаешь?

– Молюсь Ангелу-хранителю, – глядя на отца серьезными ясными глазами, ответила она.

– Извини, что помешал.

– Папа, а почему ты принес его сюда? – спросила Надя.

– Чтобы сохранить, – ответил отец.

В этом он по крайней мере был уверен. Он открыл стеклянную витрину и достал оттуда большое хрустальное яйцо – один из красивейших экспонатов Ангеловской коллекции. Сверкнули в свете Надиной свечи сотни его граней.

– А куда ты его уносишь, папа? – спросила Надя.

Он не ответил, и она не стала переспрашивать. Надя доверяла отцу безоговорочно – то ли от детской чистоты, то ли от ангельской своей природы.

– Папа... – вдруг спросила она. – Ангел правда будет нас охранять? Всегда-всегда?

– А почему ты спрашиваешь?

– Мне кажется, мы стали ему не нужны...

Отец вернулся от двери и, присев на корточки перед дочкой, сказал:

– Сейчас тяжелое время, Надюша. Время вражды. Но вражда всегда сменяется любовью.

– Когда же она будет, любовь? – вздохнула Надя.

– Не знаю, милая. Но будет обязательно. Поверь мне.

– Я верю.

Она так произнесла это, что последний циник не усомнился бы в ее искренности. Андрей Кириллович поцеловал дочку и вышел из зала.

Глава 4

Вода звенела в мраморной чаше. Да-да, звенела; Лиде шум родника в усадебном парке всегда казался хрустальным звоном.

Она прижалась лбом к плечу Федора и сказала:

– Мы так редко видимся теперь.

– Не получается чаще. – Он погладил ее по голове. – Дел невпроворот.

– Я понимаю...

Федор крепче прижал Лиду к себе и шепнул ей в висок:

– Скучаю... Все время о тебе думаю.

– Да у тебя же времени не то что на думы – на сон не остается, – вздохнула она.

– Надо нам вместе жить.

– Переезжай к нам, – встрепенулась Лида. – Как я была бы счастлива!

– Нет. В примаки не пойду, – отрезал Федор.

– Ну что за глупости, – укоризненно проговорила она.

– Ты же ко мне в город переехать не хочешь, – напомнил он.

– Я не могу, Федя, – смутилась Лида. – Как школу оставить, вообще все? Нет, невозможно.

– Вот видишь. А меня попрекаешь.

– Я не попрекаю, Федя, ты что? – виновато произнесла она. – Я постараюсь... Поговорю с папой. Мы что-нибудь придумаем.

– Что тут придумывать, Лида? Сообщи, когда вещи соберешь – я за тобой приеду. Тоскую по тебе, родная моя... – сказал он.

И больше уже ничего они не говорили – забылись в поцелуях.

Андрей Кириллович отшатнулся за куст, росший у поворота аллеи. Сердце билось так, что он боялся выдать свое присутствие и выронить футляр с хрустальным яйцом из дрожащих рук.

Ведь он был уверен, что все это кончено! Да, в юности – что там, просто в детстве! – Федор был влюблен в Лиду. Его, отца, это беспокоило, но он понимал, что влюбленностью этой руководят в большей степени требования физиологии, чем чувства, а потому понимал, что все это пройдет, как только в жизни Федора Кондратьева появятся другие, более доступные объекты. А главное, он хорошо знал свою старшую дочь и знал, что Лида с ее здравым разумом, с правильными представлениями о хорошем и дурном не изменит своей ясной натуры. Но ведь с тех пор все переменялось! Революция, Гражданская война, военный коммунизм – все это увело Федора Кондратьева из родительского дома, и когда он объявился в уезде начальником, точно уж ему должно было стать не до романтических увлечений прошлого.

И вдруг оказывается, что ничего Андрей Кириллович не знает – ни об этом крестьянском парне, выросшем у него на глазах, ни, главное, о своей старшей дочери...

Чувство, охватившее его сейчас, поздним вечером, когда он случайно увидел, как Лида целуется в парке у родника с Федором Кондратьевым, не было обычным отцовским возмущением. Это была тревога. И более чем тревога – это было смятение.

Профессор Ангелов, все ускоряя шаг, пошел прочь по освещенной луной аллее.

Он не может оставить все идти своим чередом. Не то теперь время, чтобы позволить себе надеяться на судьбу.

Федор лежал на своей расстеленной кожанке и смотрел, как Лида, освещенная первыми солнечными лучами, поправляет растрепавшуюся прическу. Почувствовав его взгляд, она обернулась и смущенно спросила:

– Что ты?

– Красивая. Глаз не отвести.

Он сел и устало потер лоб. Лида подошла, остановилась рядом. Федор обнял ее за талию.

– Устал ты, Феденька, – сказала она. – Глаза тебе усталость застилает.

– Думаешь, обманываю?

Он улыбнулся. Улыбка вышла короткая, но в том, как осветила она его гармонично вылепленное суровое лицо, было то же обаяние, которое еще десять лет назад свело с ума Лидочку Ангелову и заставило ее проговорить вот здесь же, у родника в усадебном парке: «Я тебе верю и буду любить тебя всегда».

– В уезде саботаж сплошной, – сказал Федор. – А кто революции поверил, кто работать хочет, тот не знает как. Не умеет.

– Тебе отдохнуть надо, – покачала головой Лида. – Нельзя день и ночь работать. – Она подошла к мраморной чаше, в которую лилась из родника вода, набрала ее в пригоршни, подошла к Федору и, проведя мокрыми руками по его щекам, губам, «сказочным» голосом проговорила: – Вода живая, умой моего любимого, пусть будет здоров и счастлив, пусть заботы его оставят... А что ты смеешься? – Она покачала головой, заметив его усмешку. – Правда ведь вода у нас живая. Уникальный химический состав. Папа статью об этом опубликовал в журнале Академии наук.

Федор поднялся. Его лицо и в самом деле стало яснее, приобрело даже детское выражение.

– Ты – живая вода, – сказал он.

И поцеловал Лиду так, как целовал в первое их свидание и всегда.

«Как похожа на мать-покойницу. Та же ясная красота».

Щуря воспаленные от бессонной ночи глаза, Андрей Кириллович смотрел в окно своего кабинета, как Лида идет из парка ко входу в усадебный дом. Как светятся в первых солнечных лучах короной уложенные косы и вся она светится, и не солнечным, а внутренним, собственным своим светом...

Андрей Кириллович вздохнул. Природа этого света была ему слишком понятна.

– Папа? Почему ты не спишь?

Она удивилась, войдя в дом и увидев отца на лестнице, ведущей вниз со второго этажа.

– А ты, Лида? – спросил Андрей Кириллович.

– Папа, я уже взрослая.

Ее голос звучал немного смущенно и немного вызывающе.

– Не сомневаюсь, – кивнул отец. – Но беспокоюсь за тебя невыносимо, Лидушка. Именно за тебя.

– Почему же именно за меня?

– Ты больше всех на свою маму покойную похожа.

– Разве? Мне кажется, на маму Надюшка у нас похожа.

– Ты, Лида, ты, – покачал головой отец. – И внешне, и... Так же доверчива. Но маме было кому доверяться...

– А мне, по-твоему, доверяться некому?

Теперь в ее голосе прозвучал прямой вызов. И ответить на него можно было только прямо.

– Боюсь, ты доверяешься Федору напрасно, – сказал отец.

– Папа! – укоризненно воскликнула Лида.

– Лида, я не привык лгать, – глядя в ее ясные голубые глаза, сказал он. – Ни вам, ни себе самому. Ночью я видел тебя с Федором у источника и обязан тебе сказать...

– Мы с ним любим друг друга! – перебила его Лида. – И собираемся пожениться.

– Сейчас не время для такой свадьбы, – жестко проговорил отец.

– Для какой – такой? – возмутилась она. – С крестьянским сыном? Папа, как тебе не стыдно! Кондратьевы всю жизнь нам близки!

– Думаешь, я об этом забыл? – мягко проговорил отец. – Тимофей мой молочный брат, с колыбели был мне другом. Но именно поэтому...

– Федя меня любит! – воскликнула Лида. – И я его люблю. Если бы не революция, он и реальное училище закончил бы, и уже на инженера бы выучился!

– А кто ее сделал, такую революцию? – Андрей Кириллович тоже повысил голос. – Он же и сделал.

– Он... он... – Детская обида зазвенела в Лидином голосе. – Он лучше всех!

– Не спорю, Лидушка. – Отец вернулся к мягкому тону. В конце концов, дочь ничем не заслужила его резкости. – Федор незаурядный человек. Сильный характер. Рожден руководить людьми, теперь это совершенно очевидно. Но я думаю не о нем, а о тебе.

– Я с ним счастлива! И буду счастлива.

– В будущем – возможно. Но сейчас мы должны уехать.

– Кто – мы?.. – потрясенно и растерянно спросила она.

– Я, ты, Вера и Надя. Мы уезжаем все вместе.

Лида побледнела так, будто вот-вот потеряет сознание.

– Как уезжаем?.. – с трудом выговорила она. – Ты же сам говорил...

– Говорил! И думал! – со все возрастающим волнением произнес отец. – Что мы должны выполнять свой долг при любых обстоятельствах. Хранить Ангеловскую коллекцию. Учить детей. Я действительно так думал, Лида! Но я не могу идти против всех. Нас ненавидят за то же, за что прежде любили. Раньше говорили: они учат. Теперь: они поучают. Раньше – хранят народные таланты. Теперь – заграбастали народное добро.

– Папа, ты ошибаешься! – Лидин голос взлетел и задрожал. – Это совсем не так! Дети приходят в школу и занимаются с прежней радостью! Да один только Паша Кондратьев чего стоит!

– Я не о детях, – поморщился отец. – Взрослые перевернули жизнь с ног на голову. Разрушили все, что смогли, и ничего не создали взамен. – Заметив, что Лида хочет возразить, он жестом остановил ее. – Не знаю, удастся ли им это сделать когда-нибудь. Не знаю! Но пока – война всех со всеми. Ненависть. Безумие. Я не могу воевать, Лида, – устало проговорил он. – Я ученый, а не солдат. И наблюдать, как летит в тартарары все, что создавалось моими предками, тоже не могу. Мы уезжаем в Париж. Мне удалось поговорить с Луначарским, он обещал помочь.

– Папа, но... как же? – с ужасом и недоверием выговорила она. – А коллекция?

– Что сможем, вывезем, остальное спрячем. Иначе все разграбят и уничтожат.

Андрей Кириллович подошел к дочери и, обняв, погладил по голове.

– Лидуша, нет другого выхода, – сказал он. – Иначе мы все погибнем. И все погибнет. Мы уезжаем не навсегда, я уверен. Вернется разумная жизнь – и мы вернемся.

Он знал, что старшая дочь поймет его – она всегда понимала разумные резоны.

Но не на этот раз.

– Я никуда не поеду! – вырвавшись из отцовских объятий, закричала Лида. – Это невозможно!

Послышались шаги, и в комнату вбежали разбуженные Вера с Надей. В руках у Веры был тяжелый, отделанный медной чеканкой резной посох из Ангеловской коллекции; она давно перенесла его к себе в комнату.

– Что случилось? – держа посох наперевес, воскликнула она.

– Лидинька, почему ты плачешь? – испуганно спросила Надя.

– Езжайте куда вам угодно! Все уезжайте! – не помня себя, закричала Лида. – Это предательство! Я не поеду! Нет!

И выбежала из комнаты, оставив отца и сестру в тоске и недоумении.

Глава 5

– «Мальчишек радостный народ коньками звучно режет лед». – Вера заметила, что веснушчатая девочка с соломенными волосами косится на листок соседа по парте, и сказала: – Алена, не подглядывай, пиши самостоятельно. «На красных лапках гусь тяжелый...» – продолжила она.

На улице послышался шум. Не шум даже, а угрожающий гул множества голосов. Вера насторожилась, подошла к окну школьного флигеля, выглянула – и отшатнулась.

Двор перед усадебным домом был заполнен людьми, а мужики все входили и входили в ворота, держа в руках вилы, косы или просто дубье. Не приходилось сомневаться, что намерения у них самые угрожающие.

– Не робей, мужики! – Тимофей Кондратьев поправил заткнутый за пояс топор. – Сила теперь наша! Пора с Ангеловыми разобраться! Чем они лучше других? Все наше захапали и жируют! Правду говорю, мужики?

– Истинная правда! – раздались нестройные голоса. – Давно пора! Все уж так-то и сделали, а мы чего ждем? У них от сокровищ деваться некуда, а народ с голоду пухнет! Ежели все, что в усадьбе накоплено, взять да на хлеб обменять, это ж сколько выйдет!

– Выходите, куда попрыгались? – гаркнул Тимофей.

Он был с похмелья, а потому мрачен.

– Брезгуют народом-то, – хмыкнул плюгавый мужичок у Тимофея за спиной. – Благоде-етели!

Андрей Кириллович услышал шум в ту минуту, когда отнял печать от свежего сургуча и написал на конверте «Лидии, Вере, Надежде Ангеловым». Он быстро положил письмо в папку, на которую была наклеена фотография хрустального яйца, и вышел из своего кабинета.

В усадебный двор уже вышли и все обитатели Ангелова. Вера показалась на крыльце школьного флигеля, за ней выглянули испуганные дети. Из второго флигеля – в нем находились художественные мастерские – появилась Лида и учитель по рисунку. Среди учеников, толпившихся за ними, виден был и Паша Кондратьев. Он смотрел на своего отца с нескрываемым ужасом.

Профессор Ангелов вышел из главного дома.

– Что случилось? – спросил он, подходя к толпе.

– А поздороваться? Вежливость не соблюдаешь, – с издевкой сказал молодой парень в первом ряду.

– Игнат, а почему я должен быть с тобой вежливым, когда ты врываешься в мой дом с вилами? – пожал плечами Ангелов.

– Язык у тебя хорошо подвешен, Андрюха, мне ль не знать! – глядя на Ангелова в упор, сказал Тимофей Кондратьев. – А только не твой теперь дом. Народный!

– Чем зря болтать, проспался бы лучше, – поморщился Ангелов. – За версту перегаром от тебя разит. Что мать твоя сказала бы, если б увидела, во что ты превратился?

Упоминание о матери только разозлило Тимофея.

– Ишь, кого вспомнул! – заорал он. – Корову свою!

– Ты что мелешь? – повысил голос и Ангелов.

– Что есть! Взяли мамку сюда вместе со мной, как корову дойную с теленком! Тебя выкармливать!

– Тимофей Ильич, как вам не стыдно такое говорить? – укоризненно сказала подошедшая Лида. – Мы всегда были с вашими родителями в добрых отношениях. Сколько игрушек для меня ваш папа сделал!

– Да уж все вы тут от тятки поживились, – процедил Тимофей. И, отвернувшись от Лиды, снова обратился к Ангелову: – Куда иконы подевал? Церковь пустая.

– С каких пор ты стал так религиозен, что тебе иконы понадобились? – усмехнулся тот.

– Ризы мне понадобились. Тяткой сработанные. Нехай теперь камушки драгоценные нам послужат!

– Вот нахал! – возмутилась подошедшая Вера.

Но на нее Тимофей и вовсе не обратил внимания.

– Айда, мужики!

Он махнул рукой, и толпа устремилась в усадебный дом.

Загрохотали по паркету шаги, захлопали двери... И вдруг все затихло – толпа ворвалась в главный музейный зал.

«Все-таки и правда в Ангеловской коллекции есть что-то мистическое, – подумала Вера. – Вон как все оторопели».

Но размышлять об отвлеченных вещах было некогда. Тем более что оторопели вовсе не все мужики, ввалившиеся в зал. Вера углядела, как самый плюгавый, воровато озираясь, потянулся к позолоченной кованой розе, лежащей в витрине у двери, сдвинул с нее стеклянный колпак и уже потащил золотой цветок с подставки.

– Твоя, что ли? – прошипела Вера, хватая мужичонку за руку. – А ну отдай!

– А чего? Я ничего, – пробормотал тот.

Спрятав розу за спину, Вера попяtilась к двери. Убежать бы отсюда, да поскорее!

Но кроме нее никто из музейного зала бежать не собирался.

– Разбирай добро, мужики! – крикнул Тимофей.

Чтобы подбодрить их, он двинулся к ящикам, составленным у дальней стены зала, открыл один из них и воскликнул:

– Вот они, иконы-то! Главное дело, ризы целы. – И, обернувшись к Андрею Кирилловичу, потребовал: – Ангела-хранителя мне давай! Хватит вам им владать!

Ангелов взял Тимофея за плечо и негромко, но твердо повторил:

– Пойди проспись.

Трудно было придумать другой тон и другие слова, которые так вывели бы Тимофея из себя.

– Ах ты сволочь...

Он не проговорил это, а проклекотал горлом. И выхватил из-за пояса топор.

– Папа! – Лидин голос зазвенел. – Отдай им все! Ничего нам не надо!

Все зашумели, закричали, бросились к ящикам с иконами, к витринам с другими экспонатами коллекции. Упала и разбилась большая китайская ваза, треснуло стекло витрины, в которой сверкало сотнями граней хрустальное яйцо; Ангелов не обманул Надю, пообещав вернуть его на место...

Надя вошла в зал только в эту минуту. Никто, конечно, не обратил на нее внимания – все смотрели на Андрея Ангелова и Тимофея Кондратьева, стоящих друг против друга.

Расталкивая мужиков, в зал вбежал Степан Кондратьев.

– Батя! – крикнул он. – Сдурел? Хорошо, мамка мне сказала, что тебе в голову взбрело!

Он вырвал у отца топор, но было уже поздно – ярость, неугасимая ярость охватила Тимофея. Развернувшись, он со всей дури ударил сына кулаком. Удар пришелся в висок – Степан упал и остался лежать без движения.

– Гад! Убью-у-у! – заорал Тимофей, снова бросаясь к Ангелову.

Может, если бы тот попытался спастись бегством, ярость Тимофея угасла бы. Но Андрею Кирилловичу и в голову не пришло бежать. Как ни переменялась жизнь, а перед ним был все тот же Тимка, которого он знал как облупленного. И ему ли было не знать, что Тимка так же отходчив, как и вспыльчив, и ему ли было Тимкиного ора бояться!..

– Дурак ты, – пожал плечами Ангелов. – Орешь, а что орешь, сам не знаешь.

Переводя красные от ярости и похмелья глаза с одного мужика на другого, Тимофей заметил в руке самого молодого наган. Где был этот наган раньше, неизвестно, но на глаза Тимофею он сейчас попался очень кстати. Именно так ему показалось в тумане, которым ярость застлала разум...

Выхватив у мужика наган, Тимофей Кондратьев не целясь выстрелил в Андрея Ангелова.

– Тимка... Ты что?.. – проговорил тот с детским удивлением.

И упал.

Надин крик прорезал тишину, которая повисла в зале. Собственный крик сбил ее с ног, будто выстрел, – она тоже упала на паркет.

Только теперь Паша Кондратьев заметил ее.

– Надя! Надь!

Бросившись к ней, он упал рядом на колени, стал ее тормозить. Но больше никому до Нади дела не было – все обступили лежащего посередине зала Андрея Кирилловича Ангелова.

После всего, что произошло за последние два года, мужиков трудно было удивить чьей-либо смертью. Но что Кондратьевых и Ангеловых связывает целая жизнь, и не одного поколения, было известно всем. Поэтому противоестественность того, что сделал Тимофей Кондратьев, так всех и потрясла.

Приподняв отцу голову, Лида пыталась делать искусственное дыхание. Но синева, разливающаяся по его застывшему лицу, не оставляла надежды на то, что это имеет смысл.

– Он же его убил... – с ужасом проговорила Вера.

Ее голос прозвучал в полной тишине так громко, что Лида вздрогнула. Отпрянула от неподвижного отца. Посмотрела на лужу крови, растекающуюся под ним по паркету. Поднялась на ноги. Повернулась к Тимофею. И, не обращая внимания на наган, пошла прямо на него.

– Вы... Вы убийца! – воскликнула она. – Вас... самого убить надо! Я...

Все стояли оцепенев. Застонал и попытался сесть пришедший в себя Степан Кондратьев. Никто не останавливал Лиду. Тимофей поднял руку...

– Брось наган! Брось, сказал.

Федор стоял в дверях зала и смотрел – на отца, на наган в его руке. На направленный прямо Лиде в грудь наган.

Те, кто мог в этот момент дышать, тихо ахнули: как загипнотизированный глядя на сына, Тимофей опустил руку.

Казалось, не было в этот момент силы большей, чем сила Федорова взгляда. Но все же такая сила была – сила отчаяния. Она и управляла Лидой.

– Убийца! – вскрикнула та. – Я... я тебя убью!

Вряд ли Лидины руки, протянутые к горлу Тимофея, представляли для него опасность. Но вид этой девушки – с пылающими щеками, с рассыпавшейся светлой косой, со сверкающими гневом глазами – подействовал на него как красная тряпка на быка.

– Ненавижу-у!.. – взвыл Тимофей. – Проклятое отродье!

Он снова вскинул наган и направил его Лиде в грудь.

Грянул выстрел.

Тимофей Кондратьев упал. Даже вскрика не сорвалось с его губ – только хрип, почти мгновенно затихший.

Федор опустил руку с маузером.

Глава 6

– Не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему, ибо Ангелам Своим заповедает о тебе – охранять тебя на всех путях твоих. На руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею...

Вера взглянула на белый мертвый отцовский профиль и уронила Псалтырь себе на колени. Язык у нее заплетался. Она читала над гробом одна: Надя сидела у себя в комнате, смотрела неподвижными глазами и не могла произнести ни слова, а...

– Да где же ты?! – сердито прошептала Вера.

Можно было бы подумать, что слова эти относятся к отцу – куда, мол, он ушел? Но каждый, кто знал Веру, понял бы, что относятся они не к чему-то необъяснимому – ничего необъяснимого средняя из сестер Ангеловых не признавала, ну, или почти ничего, – а к вполне определенному человеку. К старшей сестре.

Лида сидела на пороге баньки, стоящей посреди Оборотневой пустоши, и смотрела на темную воду пруда у своих ног. Как странно – горе застилало ей глаза, но воспоминания, проступающие в этой пелене, к горю отношения не имели.

Это были счастливые воспоминания.

Вот они в лодке – Федор на веслах, Лида напротив него на низенькой скамеечке. День летний, солнце сияет, на дне пруда бьют ключи, и вода поэтому чистая, прозрачная. Федор не отрываясь смотрит на Лиду, улыбается ей и будто бы только плечами поводит, но лодка от едва заметных его движений скользит по воде легко и стремительно. Солнечные искры сверкают в его темных глазах.

– Верочка, – не оборачиваясь, говорит Лида, – не наклоняйся за борт, не то упадешь.

Все-таки сестра еще ребенок, вот пожалуйста, шлепает ладошками по воде. Лида чувствует за нее ответственность.

Насколько она сейчас может чувствовать что-либо кроме счастья, глядя в устремленные на нее влюбленные Федоровы глаза с этими солнечными искрами в них.

– А ты мне, пожалуйста, не указывай! – фыркает Вера у Лиды за спиной.

Лида только собирается обернуться к ней – это ведь не сразу получится, отвести глаза от Федора! – как упрямая Вера, наверное, перевешивается за борт еще ниже, лодка накреняется... И, глазом не успев моргнуть, Лида оказывается в воде.

Испугаться она не то что не успевает – просто нечего ей бояться, плавать она отлично. Но Верочка!..

Лида видит ее в нескольких саженьях от себя, их разделяет перевернутая лодка. Вера бестолково машет руками, но за лодку почему-то не хватается – от растерянности, наверное, – и погружается в воду.

– Федя! – кричит Лида. – Верочку!..

Но он и сам знает, что надо делать, – он всегда это знает. Лида видит, как Федор подныривает под лодку, подплывает к Вере, хватается за шиворот, вытягивает на поверхность и, обхватив одной рукой, плывет с ней к берегу.

– Довертелась! – сердито произносит он, вытолкнув Веру на траву.

И тут же бросается в пруд снова и плывет к Лиде. Но она ведь совсем не боится – она просто радуется, что день такой ясный, и прозрачна вода, и руки Федора подхватывают ее под водою, легки, невесомы их тела, и вот его глаза совсем рядом, и губы, и все его прекрасное лицо...

Лида вздрогнула от утробного рычания. Лицо Федора вспыхнуло в ее памяти и погасло, а на его месте – не в памяти уже, а наяву – она увидела холодные волчьи глаза.

Волк стоял в трех шагах от нее и смотрел в упор, будто человек. Что означал его холодный взгляд – угрозу, горе? Нет, показалось ей, что-то совсем другое, неведомое...

Еще через мгновение Лида поняла, что и сам этот волк лишь показался ей, почудился. Нет никого на Оборотневой пустоши, только колышется сухая осенняя трава.

Вскочив с порога баньки, Лида бросилась к усадьбе.

Она бежала по пустоши, потом по парковым аллеям и остановилась, только когда услышала:

– Лидия Андреевна!

Паша Кондратьев стоял под окнами усадебного дома. Остановившись у крыльца, Лида молча смотрела на него. Даже чудесная боттичеллиевская красота младшего Кондратьева вызывала у нее теперь дрожь, хотя в нем-то уж точно не было ни малейшего сходства с его отцом.

– Вот. – Паша протянул Лиде бумажный листок. – Это вам.

Лида машинально взяла листок, развернула.

– А Надя... – спросил Паша. – Как она? Можно к ней зайти?

Лида подняла глаза от записки. Несколько мгновений она не понимала, о чем он спрашивает.

– Возьми, – наконец выговорила она, возвращая ему листок. – Отдай обратно.

Но Паша спрятал руки за спину и, помотав головой, попятился и быстро пошел прочь через парк.

– Не могу, – не ему уже, а в мертвенную пустоту сказала Лида. И, помолчав, твердо повторила: – Нет. Не смогу.

«Отчего вода не бьет? Иссяк источник».

Зачерпнув пригоршню воды, неподвижно стоящей в мраморной чаше, Федор плеснул ее себе в лицо. Но даже не вздрогнул: холод у него внутри был сильнее, чем холод воды. Потом замер. Потом обернулся и увидел Лиду. Она стояла в шаге от него, но шага к нему не делала.

– Лида!

Федор хотел обнять ее, но она отстранилась и еле слышно сказала:

– Не надо.

– Да я понимаю, – вздохнул он. – Мне тоже тяжело...

– Тебе – иначе.

Он не знал, что сказать на эти ее слова. Наверное, иначе. Но... и что из того?

Федор зачем-то кивнул на источник и сказал:

– Родник иссяк.

– Все иссякло.

Нет, не мог, не хотел он перебрасываться бессмысленными словами! И с кем!..

– Лида, давай вместе уедем, – сказал Федор.

– Куда? – усмехнулась она.

Было в ее усмешке что-то необычное, непривычное, а потому пугающее. Если бы оставалось еще для него что-либо пугающее на белом свете.

– В Москву, – сказал он. – Или в Сибирь. Я назначение попрошу. Да хоть куда! Не могу я здесь теперь... – И почти жалобно добавил: – Только и живу, когда о тебе думаю.

Федор положил руки ей на плечи и притянул к себе. Но она снова отстранилась.

– Не надо, – сказала Лида. – Кончено.

– Что кончено? – не понял он.

– Все. Между нами кровь. Не переступить.

Она наконец подняла глаза. Федор почувствовал, как холод пробежал у него по спине от ее взгляда.

– Ты... что? – с трудом выговорил он. И воскликнул: – Почему?!

Глядя на него все тем же незнакомым взглядом, Лида произнесла жестко, раздельно:

– Твой отец. Убил. Моего отца. Этого не избыть. – И добавила с невыносимой тоской и горечью: – Лучше бы он и меня убил тоже.

Она повернулась и пошла прочь. К дому, где лежал в гробу ее отец.

У последнего перед домом поворота аллеи горел костер. Лида ускорила шаг: в парке мог оказаться кто угодно, и хотя сама она охвачена бесстрашием равнодушия к собственной участи, но Надя и Вера... Что, если им грозит опасность?

Вера стояла у небольшого костра и бросала в него тетрадки, предварительно разрывая их в клочки. Лида разглядела на обложках тетрадей изображения золотой розы из Ангеловской коллекции. Такие тетрадки, специально заказанные в московской типографии Левенсона, подарила им когда-то мама. Говорила: «Вот, девочки, станете вы большие и будете вести дневники, поверять моим тетрадкам свои девические тайны...»

– Что ты делаешь? – спросила Лида, подойдя.

– Уничтожаю свидетельства своей глупости. Прощаюсь с иллюзиями прошлого, – не глядя на нее, ответила Вера. – Отец Владимир пришел Псалтырь читать, у меня сил больше нет.

– Прости, – сказала Лида. – Я иду к папе.

– А где ты вообще была?

– Тоже прощалась с иллюзиями прошлого, – усмехнулась Лида.

– С Федором встречалась? – бросив быстрый взгляд на сестру, догадалась Вера.

– Расставалась.

– В каком смы... – начала было Вера. И ту же воскликнула: – Но он же тебя спас!

Мало кто уловил бы логику в том, что сказала Лида, но Верин ум всегда был быстр и точен, и мотивы человеческих поступков она понимала мгновенно.

Впрочем, Лиде было не до того, чтобы обращать внимание на сообразительность сестры.

– Лучше бы его отец и меня убил, – безучастно проговорила она.

– Почему это лучше? – пожала плечами Вера. – И вообще, твое отношение к Федору просто несправедливо!

Почему-то именно эти слова развеяли Лидину безучастность.

– Не говори о справедливости, прошу тебя! – В ее голосе зазвенели слезы. – Справедливо, что папа убит?! – Она задохнулась, замолчала, потом тихо выговорила: – Как теперь жить, Вера? Душа – мертвая. Ничего больше не могу. Ни любить, ни жить.

Лида ушла в дом. Вера проводила ее взглядом, швырнула в костер обложку от последней тетради и бросилась в парк.

Федора она догнала у дальней калитки, через которую из парка можно было выйти прямо на Оборотневу пустошь, раскинувшуюся между усадьбой Ангелово и деревней.

– Федор! – окликнула его Вера. Он молча смотрел, как она бежит к нему по аллее. – Федор! – повторила она задыхаясь. – Лида не права! Она сейчас в таком состоянии... Нет, что-то я не то говорю... В общем, ты не должен обращать внимание. Лида придет в себя, и все наладится.

Выслушав Верину тираду, Федор молча пошел дальше.

– Но ты же не оставишь?! – воскликнула она.

– Кого? – Он обернулся.

– Нас всех. Федя, что же мы будем делать? – жалобно проговорила Вера. – Лида сама не своя, Надя вообще онемела. Говорить не может, представляешь?

– Не оставлю, – невесело улыбнувшись, сказал он.

– Ты... Ты настоящий! – выпалила Вера. – Сильный!

Она провожала его взглядом, пока он не скрылся из виду, а потом воскликнула:

– Дура! Господи, какая же Лидка дура!

Глава 7

– Лидия Андреевна, Вера Андреевна, Наденька, примите мои глубокие соболезнования.

– Благодарим вас, Михаил Саввич, – за всех поблагодарила учителя рисования Вера.

Лида не отводила взгляда от простого деревянного креста. Надя сморела испуганными глазами и по-прежнему не могла произнести ни слова.

Михаил Саввич ушел. Лида наклонилась, взяла с могилы немного земли и положила в холщовый мешочек. Еще одну горсть она взяла с соседней, маминой могилы.

– Зачем тебе? – настороженно спросила Вера. – И с маминой...

Не ответив, Лида пошла к выходу. Вера взяла Надю за руку и пошла за ней.

Выходя в покосившиеся ворота, сестры услышали протяжный бабий вой, доносящийся с крестьянской части кладбища. Там хоронили Тимофея Кондратьева.

Была Авдотья-вдова:

– А Тимофеюшка, а родненький ты наш! На кого ж ты нас оставил? На кого меня вдовой горькой покинул?! А жить бы тебе да жить! Не лежать бы тебе в сырой земле! Встань, Тимофеюшка, посмотри на своих детушек! Сиротами их оставил!

Паша плакал в голос, не стесняясь. Степан, стоящий рядом с матерью, тоже смахнул слезу.

– Как Тимофея Ильича жалко-то!

К Степану подошла Наталья Голохватова. Вся деревня знала, что она к Степке Кондратьеву неровно дышит. Внешность у Натальи была не то чтобы некрасивая, но какая-то унылая, будто не восемнадцать ей, а все тридцать. Правда, сейчас, на похоронах, уныние выглядело кстати.

– И тебя мне как жалко, Степушка, – со значением проговорила Наталья.

На могиле уже поставили крест – точно такой же, как у Ангелова. Наталья хлопотливо положила рядом с крестом букетик поздних полевых цветов.

Соседи, пришедшие проводить покойника, негромко переговаривались под вой вдовы.

– Вон как вышло... Сын отца убил... Когда такое было?.. Времена теперь настали... Не дай бог!

– И церковь заколочена, и родник иссяк, – сказала Матрена Головина.

– Какой родник? – спросил Карп Савельев.

– Да ангеловский, целебный. Испокон веку в парке был, а теперь иссяк.

– Худые дела, – покачал головой Карп.

– А Федька-то и хоронить не пришел, – заметила Матрена.

– Дура! – хмыкнул Карп. – Как же он придет, ежели сам отца и убил?

– Оно так. А все же...

Договорить соседка не успела – на тропинке между могилами показался Федор Кондратьев. Все расступились перед ним.

Федор молча смотрел на крест на отцовской могиле.

– Явился! – увидев старшего сына, закричала Авдотья. – Чего тебе тут? Ради девки отца убил, а теперь явился?! Оборотень поганый!

С каждым словом она, уже и так заведенная долгими причитаниями во время похорон, заводилась еще больше.

– Мам, ну что ты... – проговорил было Степан.

Но Авдотью было не остановить.

– А не видать тебе счастья с той тварью, с Лидкой! – с ненавистью глядя на Федора, выкрикнула она. Потом обернулась к Степану и Паше. – И вам говорю, сыночки мои: чтоб слуху больше не было среди нас про Ангеловых! Ни духу ихнего чтоб не было, ни виду!

Провозгласив все это, Авдотья перекрестилась и пошла прочь.

– Убирайся отсюда. На веки вечные! – бросила она, проходя мимо Федора.

Степан приостановился было, собираясь что-то сказать брату, но, пока он подбирал слова, Наталья подхватила его под руку и потащила вслед за матерью.

Паша остановился возле Федора.

– Федь... – Слезы стояли в его огромных глазах. – Что нам теперь делать?

– Мать же сказала, – с горечью проговорил Федор.

Выйдя из ворот кладбища, Паша долго смотрел, как старший брат идет через Обратневу пустошь. Несколько раз он порывался броситься за ним, но что-то удерживало его. И вряд ли это были слова матери...

Когда Федор скрылся из виду, Паша тоже пошел через пустошь. Но не к деревне и не к дороге, ведущей к уездному городу. Все убыстряя шаги, он шел к усадебному парку.

Надю он нашел у паркового родника. С тех самых пор, как проявились его способности к рисунку – а произошло это рано, ему едва исполнилось пять лет, – Паша проводил в усадьбе большую часть своей жизни. Поэтому знал каждую тропинку, на которой мог увидеть Надю. Ну и не только поэтому он нашел ее так быстро... Сердце вело.

Наклонившись к мраморной чаше, Надя провела ладонью по трубке, из которой бил родник. Воды теперь не было, и только на дне чаши еще стояла мелкая лужица.

– Надь...

Она вздрогнула, потом обернулась, посмотрела на Пашу.

– Скажи что-нибудь, а? – жалобно попросил он.

Надины губы дрогнули. Видно было, что она мучительно пытается ему ответить. Но ничего у нее не вышло, и она отвернулась в слезах.

– Наташка говорит, тебя Бог наказал – язык отнял, – сообщил Паша. – Она за Степаном бегает, Наташка. Она за ним, а он от нее!

Он засмеялся в надежде, что развеселит и Надю. Но Надя не улыбнулась, и Паша снова погрузился в грусть.

– Надь... Я... – Он замялся, но, набравшись храбрости, проговорил: – Я тебя никогда не оставлю! Хоть ты и немая! Вот!

Выпалив это, Паша чмокнул Надю в щеку и бросился бежать. Надя растерянно посмотрела ему вслед, и улыбка – робкая, едва заметная – появилась на ее губах.

Глава 8

– Пресвятая Богородица, умоли едиnorodного Сына твоего, да упокоит усопшего раба божьего Андрея в недрах Авраама с праведными и всеми святыми. Аминь, – произнесла Вера.

Все три сестры перекрестились. Скучная поминальная трапеза девятого дня – картошка с солеными огурцами – была окончена.

– Вот и все, – сказала Лида. – Душа папина на дороге к раю. И нам пора...

– В рай? – усмехнулась Вера.

– Не время ёрничать, – поморщилась Лида. – Мы уезжаем.

– Интересно, куда? – поинтересовалась Вера. – Народу теперь все дороги открыты? Это не про нас.

– Папа не успел вам рассказать, – сказала Лида. – Незадолго до смерти он говорил с Луначарским. Тот обещал помочь с выездом. Так вот, французские визы готовы. Места в поезде тоже – для нас трех. Теперь для трех... – с горечью добавила она.

Вера была изумлена так, что даже ее узкие темные – в отца – глаза расширились.

– Но ты же не хотела уезжать! – воскликнула она.

– Это было в другой жизни, – ответила Лида. И горячо проговорила: – Как можно теперь здесь оставаться? Нет того добра, которое папа не сделал бы для них! А они его убили... Прости меня, Господи, но я этого никогда не прощу. И то сознание, что меня сейчас убьют... Да что сознание – физическое ощущение! Его я тоже не забуду никогда. Теперь не имею права забыть, – с какой-то особенной твердостью добавила она.

Веру насторожила эта интонация.

– Почему – теперь? – с подозрением спросила она.

Лида не ответила. Впрочем, для Веры главным сейчас было не настроение сестры.

– А иконы? А коллекция? – спросила Вера. – Куда мы все это денем?

– Часть икон нам разрешили вывезти, – объяснила Лида. – Один ящик. Без риз. Ризы для большевиков представляют ценность, – с усмешкой добавила она. – Что ж, надо спасти хотя бы часть. Все, что останется здесь, мы уже не спасем.

Надя сделала протестующий жест, словно силясь возразить. Но изо рта у нее вырвалось только мычание.

– Что, Наденька? – ласково спросила Лида. – Ну скажи, скажи... Ребенка надо лечить, – твердо произнесла она. – Итак, решено. Собирайтесь.

Лида вышла из комнаты. Надя снова попыталась что-то сказать.

– Что? – рассеянно спросила Вера. Она была погружена в собственные мысли, и весьма практического толка. Впрочем, других у нее и быть не могло. – Погулять хочешь? Иди. Только не отходи от дома.

По Надиному лицу непохоже было, чтобы Вера угадала ее желание. Но Вере было сейчас не до детских капризов. Она вскочила из-за стола и выбежала из комнаты.

Когда Вера вошла к Лиде, та доставала из выдвинутых ящичков своего письменного стола бумаги и, быстро просматривая, бросала их либо на пол, либо в открытый чемодан, стоящий на консоли.

Несколько минут Вера наблюдала за этим нервным действием. Лида не обращала на нее внимания.

– Значит, с Федором ты расстаешься? – наконец спросила Вера.

– По-моему, это само собой понятно, – по-прежнему не глядя на нее, ответила Лида. – Мне странно, что ты спрашиваешь. Его отец убил нашего отца.

– А Федор тебе жизнь спас, если ты забыла.

– Жизнь?.. – Лида наконец взглянула на сестру. – Ты думаешь, я живу?

Неожиданно она закрыла лицо руками и, сев на кровать, заплакала. Вера села рядом, обняла ее и расстроено проговорила:

– Ну что ты? Лидочка, не плачь.

– Я... У меня сердце мертвое! – сквозь слезы произнесла Лида. – И... Ты не знаешь всего...

– Чего – всего? – насторожилась Вера. – Лида! Чего я не знаю?

Но та уже взяла себя в руки.

– Я не могу тебе рассказать. – Она утерла слезы и сразу же превратилась в привычную Лиду, умеющую держать себя в руках. – Не спрашивай, прошу тебя. Верочка, иди собирайся. Мы уезжаем через три дня. А я уже не дни – часы считаю.

Что оставалось делать? Вера знала характер своей старшей сестры: по виду нежнейшее существо, а внутри кремь.

Выходя из комнаты, Вера все же спросила:

– Ты с ним даже не встретишься?

Ей важно было это знать.

– Не говори мне о нем больше, прошу тебя, – снова погрузившись в разбор бумаг, ответила Лида.

Все время, пока шла через Оборотневу пустошь, пока сидела на пороге баньки над прудом – в излюбленном для важных размышлений ангеловском месте, – Вера думала об этих словах сестры. Все ее планы на будущее исходили теперь из них.

Погрузившись в свои мысли, Вера не заметила, как через пустошь прошел от деревни к усадебной калитке высокий узкоплечий мужчина в комиссарской кожанке.

А между тем этому человеку предстояло перевернуть всю ее жизнь.

Смирнов вошел в ангеловский особняк без стука. Ноги о лежащий у двери половичок, правда, вытер, но лишь потому, что самому мешали комья глины, налипшие на сапоги.

Пока обыскивали все эти клетки и подклетки в каждом из дворов деревни Ангелово, его тошнить уже стало от деревенских запахов. Все-таки он сугубо городской человек, и то, что именно его бросили на prodразверстку, это мелкая пакость товарища Евдокимова, мечтающего его подсадить.

– Хотя на посев оставьте, – глядя, как красноармейцы выносят и складывают на телегу мешки с картошкой, мрачно проговорил мужик лет сорока; обыск у него был закончен. – Дети мои зимой с голоду помрут – вам ништо. А сами-то весной что сеять будете?

– Довлеет дневи злоба его, – усмехнулся Смирнов. – Завтрашний день сам о себе подумает, забыл? Вы же тут богомольные. Иконостас у вас знаменитый. Где, кстати, этот иконостас? – повернулся он к сопровождавшему их председателю местного комитета бедноты.

– Церковь заколоченная, – доложил тот. – А иконы Ангелов вывез. Барин.

– Теперь бар нету, – поморщился Смирнов. – Где он, этот Ангелов?

– А помер, – услужливо сообщил комбедчик. – Тимофей Кондратьев его порешил. Папаша Федора Тимофеича, который уездный голова теперя.

– А иконостас где?

– Не могу знать. В усадьбе, видать. В особняке у ангеловских дочек.

В этот-то особняк и вошел теперь Смирнов.

«Как можно выбрать? Это выше моих сил».

Лида перекрестилась и положила в дубовый ящик первую икону. Выбор тех, которые предстояло спасти, в самом деле был невыносим для нее.

Услышав шаги за дверью, она замерла. Шаги были тяжелые, явно мужские. А ведь мужчин в доме не было.

– День добрый.

Дверь открылась без стука, и на пороге встал человек в кожанке. Сердце у Лиды сначала взлетело к горлу, потом ухнуло вниз. Ничего хорошего этот визит не предвещал. Ах, если бы не железнодорожные билеты! Конечно, они бежали бы из Ангелова в тот же день, когда получили французские визы. А теперь... Для чего явился этот, в кожанке? Комиссар, а может, и чекист!

– Здравствуйте, – стараясь, чтобы не дрожал голос, сказала Лида. – Что вам угодно?

– Да вот на иконостас пришел посмотреть.

Он подошел к ящикам, стал открывать их один за другим, то и дело хмыкая.

– Откуда вы знаете про иконостас? – спросила Лида.

При этом она незаметно окидывала его взглядом, пытаясь понять, кто он такой.

– Происхождение мое оцениваете? – не глядя на нее, насмешливо заметил комиссар. – Из кухаркиных детей, да.

– Дело не в происхождении, – все же смутилась Лида.

Она выразительно посмотрела на его кожанку и наган. Он перехватывал ее взгляд и кивнул все с той же насмешкой:

– Правильно понимаете, что теперь главное. А про иконостас и про всю вашу Ангеловскую коллекцию я читал. Надо же знать, что нам от бывших людей досталось. Не нравятся мои слова? – заметил он Лидину реакцию. И неожиданно заявил: – А вот вы мне очень даже нравитесь.

Он подошел к ней и, усмехаясь, посмотрел ей в глаза. Лида отшатнулась.

– На вашем месте я бы радовался, – заметил он.

– Чему?

Вместо ответа он притянул Лиду к себе. Она вскрикнула. На него это не произвело ни малейшего впечатления.

Тут дверь зала распахнулась.

– Ах ты сволочь! – воскликнула Вера.

Бросившись сзади, она вцепилась в ворот кожанки и резко за него дернула. От неожиданности комиссар покачнулся и отпустил Лиду.

– Эт-то что еще за фурия?! – глядя на Веру, воскликнул он.

Фурия или нет, но в ярости Вера в самом деле производила сильное впечатление. Все, что в обычном состоянии казалось в ее внешности слишком резким, сейчас выглядело ярким и выразительным.

– Ла-адно... – протянул он. – Другие б на вашем месте спасибо сказали. А с вещичками поаккуратнее. Если что пропадет, с вас спрос будет.

– С какой стати вы будете спрашивать? – возмутилась Вера.

Видимо, она действительно произвела на него впечатление. Во всяком случае, он снизошел даже до объяснения:

– С такой, что все это теперь национализировано. И будет изъято.

– Это... это... – Вера не знала, что сказать. – Это же музейное!.. – выпалила она.

– Хочешь сказать, у тебя музей тут? – хмыкнул комиссар. – А по-моему, обычное барское кубло. На музей мандат должен быть, – отрезал он. – Есть у тебя мандат? Вот то-то. Готовьте вещи к изъятию. – Уже выходя из зала, он обернулся и сказал: – Фанабериться особо не советую. – И добавил с гнусной усмешкой: – До встречи, красавицы.

– Тебе еще что-то непонятно? – дождавшись, когда стихнут шаги, воскликнула Лида. – Собираешься ждать его возвращения? Вещи собирай! – взяв себя в руки, распорядилась она. – А я иконы в ящик уложу.

Вера не сразу вышла из зала. Но не из страха, что товарищ в кожанке может поджидать ее в коридоре...

Неожиданно вырвавшиеся у нее слова о музее, которому якобы принадлежит коллекция, а главное, ответ этого то ли комиссара, то ли чекиста – вот что занимало теперь ее разум.

Глава 9

Время шло к полуночи, полная луна из багровой сделалась серебряной и высоко поднялась над парком, а Надя все не могла уснуть. Папина гибель, разрушенная жизнь Ангелова, предстоящий отъезд... Слишком хрупкой была Надина десятилетняя душа – или нет у души возраста? – чтобы все это не погрузило ее в неизбывную тревогу. Потрясение, пережитое, когда на ее глазах был убит отец, не исчезло, а поселилось у нее внутри и, лишив ее дара речи, томило душу ежедневно, ежечасно. И сейчас вот не давало уснуть.

На столике у Надиной кровати горела лучина, вставленная в пузырек от духов. Пузырек стоял в глубокой тарелке с водой, чтобы от какого-нибудь уголька не случилось пожара. Когда лучина догорала, Надя обычно уже спала.

Но сейчас сон не шел к ней. Она откинула одеяло, взяла пузырек с лучиной и, дрожа от холода, босиком вышла из комнаты.

Осколки разбившихся китайских ваз были уже убраны, и музейный зал выглядел почти так же, как в тот вечер, когда Надя молилась здесь Ангелу-хранителю, а потом разговаривала с папой. Если бы она знала тогда, что это был последний их разговор!

Она подошла к стене, возле которой стояла на дубовом ящике икона Ангела-хранителя.

«А глаза у него, – подумала Надя, – в точности как...»

Ей стало стыдно, что она сравнивает ангельские глаза с человеческими, мальчишескими. Ведь это грех, наверное? Или не грех?

Надя осветила иконы лучиной.

Сурово хмурил брови Михаил-архангел, яснили лики Всех Святых, печально смотрела мамина святая Татьяна... Ангела-хранителя, глаза и весь ясный лик которого Надя помнила, сколько помнила себя, среди них не было!

Она подняла повыше руку, в которой держала лучину, и медленно прошла вдоль стены.

Ошибки не было – Ангел-хранитель исчез.

Надя в смятении оглянулась, как будто он мог обнаружиться у нее за спиной. Она хотела вслух произнести молитву, которой ее учила няня, но только губы шевельнулись, а ни единого слова с них не слетело.

Но ведь Ангел может слышать ее и без звука?

Надя произнесла молитву про себя и прислушалась.

Звякнуло оконное стекло. Сердце дрогнуло в ответ.

Надя подбежала к окну. Ей показалось, что снаружи кто-то отшатнулся. Свет от лучины шел тусклый, однако и он мешал разглядеть, кто это был. Кто явился в то мгновение, когда она произнесла в своей душе последние слова молитвы...

Поставив пузырек с лучиной на подоконник, Надя выбежала из зала.

Что он ожидал увидеть?..

Не что, а кого; это было ему понятно. Оттого так дрогнуло сердце, когда он издали заметил тусклый огонек в первом этаже, в окне музейного зала.

Давно уже его сердце не отзывалось движением ни на что и ни на кого. Только на Лиду...

Федор подошел к самому окну и, чтобы разглядеть, что происходит внутри, прижался лбом к стеклу. И увидел Надю с горящей лучиной в руке. Ему совсем не хотелось разговаривать с ней, да и ни с кем не хотелось разговаривать здесь, кроме Лиды, поэтому он отпрянул от окна и быстро пошел прочь.

– Кончено. Все, – зачем-то проговорил он на ходу. И, остановившись, добавил с отчаянием: – Никогда.

Он шел все быстрее и не видел, как бежит за ним по аллее Надя – босая, в белой ночной сорочке. И уж тем более не мог догадаться, что в темноте парка, в ярком лунном свете он представляется ей Ангелом-хранителем, явившимся на ее зов.

Федор не заметил Надю и когда через калитку вышел из парка. Он шел к станции, и с чего ему пришло бы в голову, что она бросится за ним по Оборотневой пустоши?

Да и ничто не могло прийти в этот момент ему в голову – ее жгло изнутри, разрывало отчаянием. Федор остановился, сжал голову руками, потом опустил руки – и отчаяние вырвалось из него не криком даже, а жутким воем.

Ангел, за которым Надя бежала через залитую лунным светом пустошь, переменялся мгновенно. Даже лунный свет переменялся в ее глазах – из ясного, чистого сделался холодным, мертвенным. И в пугающем этом свете она увидела, как мчится через пустошь огромный волк... Тот самый оборотень, о котором рассказывала ей, совсем маленькой, няня, тот самый, который явился здесь когда-то папе и будущему папиному убийце!..

Леденящий душу вой оборотня раздался над пустошью. Наде показалось, что он останавливается, поворачивает обратно, к ней...

– А-а-а! – закричала она. – П-по-мо-ги-те!

Ей показалось, что оборотень замер посреди пустоши, когда она бросилась обратно в парк. Но тут луна зашла за облако, и больше Надя его не видела – он исчез в ночной тьме.

– Лида-а! Ве-ера!

Сестры выбежали из усадебного дома – тоже в ночных сорочках и босиком, как и Надя.

– Наденька! – сбега с крыльца, восклицала Лида.

– Надя! Где ты? – звала Вера.

Выбежав на аллею, ведущую к дому, Надя сделала к ним несколько шагов, но тут ноги у нее подкосились, и она упала. Лида и Вера подбежали, подняли ее с земли, наперебой закричали:

– Что с тобой, что?!

– Там... – с трудом, но внятно проговорила Надя. – Я думала, это Ангел-хранитель вернулся... А это...

– Ты говоришь! – воскликнула Лида. – Говоришь!

– ... а это оборотень... – закончила Надя.

– Какой еще оборотень? – поморщилась Вера. – Зачем ты из дому ночью вышла? Ты хоть понимаешь, кто здесь теперь может бродить?

Когда сестры привели Надю в дом и уложили в постель, Лида все-таки спросила:

– Кто же тебя испугал, маленькая?

– Оборотень, – повторила Надя. – Помнишь, папа рассказывал? Как он с Тимкой Кондратьевым волка-оборотня видел.

Лиде было неприятно любое напоминание о Кондратьевых, и она поспешила отвлечь Надю:

– Папа тогда был такой, как ты. Ему просто померещилось. Но как же ты испугалась!

– Зато речь вернулась, – заметила Вера.

– Вера, при чем здесь «зато»? – поморщилась Лида.

– Но ведь это так, – пожала плечами та. – Испугалась – и заговорила. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

– Сомнительная мудрость, – недовольно произнесла Лида. – Ну спи, Надюша. Утром проснешься совсем здоровая.

Когда сестры вышли из ее комнаты, Надя сказала в пустоту:

– А все равно ты есть! Ты наш Ангел, и ты обязательно вернешься. Я знаю.

Глава 10

Надя взяла последний аккорд и сердито захлопнула крышку фортепиано. Может быть, она сдержала бы свое раздражение, если бы видела, что в гостиную входит Лида.

– На что ты рассердилась, Надюша? – спросила та.

Отговариваться, что ничуть не сердита, Надя не стала, так как не умела лгать.

– Таланта нет, – ответила она.

– В твоём возрасте ещё нельзя понять, есть талант или нет, – улыбнулась Лида.

Она подошла к консоли и принялась вынимать из рамок стоящие на ней фотографии.

– А Моцарт? – вздохнула Надя. – И не только Моцарт...

Она подумала о Паше Кондратьеве, но всей её честности не хватило, чтобы напомнить об этом Лиде.

– Вот будешь в Париже учиться музыке, – сказала та, – и со временем станет ясно, есть у тебя талант или нет. Ты свои вещи собрала?

Услышав про сборы, Надя помрачнела.

– Лида... – Она предприняла последнюю попытку. – Но нельзя ведь уезжать из родного дома. Ты же сама говорила!

– Надя, ты ещё слишком мала об этом рассуждать, – с непривычной резкостью ответила сестра.

– Я из Ангелова не уеду.

Упорство, прозвучавшее в Надином голосе, тоже было непривычным. Что ей ответить, Лида не знала. И молча вышла из гостиной.

С Верой она столкнулась на крыльце. Та поднималась по ступенькам, вытирая платком усталое, покрытое пылью лицо.

– Где ты была? – сердито спросила Лида. – Я тебя с самого утра ищу!

– Зачем?

– Хотя бы затем, чтобы ты показала, что берёшь с собой. Багаж наш крайне ограничен, каждый золотник на вес золота, извини за дурацкий каламбур, – объяснила Лида. И добавила недовольным тоном: – Представь, Надя заявляет, что не поедет. Конечно, нельзя принимать её слова всерьёз, но...

– Лида, это я не поеду, – перебила Вера.

Лида замерла, как в игре «живые картины».

– Как?.. – чуть слышно проговорила она.

– Вот так. Я остаюсь.

– Но... Нет, погоди... Да ты с ума сошла! – воскликнула Лида. – Вера! Ты что?! Ты же больше всех хотела уехать!

– А теперь не хочу, – отрезала та.

– Забыла, что этот, в кожанке, сказал?!

– Я ничего никогда не забываю, – ещё больше сузив узкие сверкающие глаза, проговорила Вера. – Я остаюсь.

– Но я не могу тебя оставить! – вскрикнула Лида.

– Я не Надя. Сама решаю, что мне делать.

И, не сказав больше ни слова, Вера вошла в дом.

Лида, уже одетая в дорогу, смотрела в окно гостиной, как, стоя у грузёной телеги, Надя разговаривает с Пашей Кондратьевым. О чём они говорят, слышно не было, но и значения это уже не имело.

– Почему ты не хочешь, чтобы я вас до станции проводила? – спросила Вера. – Не понимаю.

Лида закрыла руками лицо. Потом убрала руки и с недоумением обвела взглядом комнату.

– Что же я делаю?.. – чуть слышно проговорила она. – Вера!

– Что?

– Я все-таки должна тебе объяснить. – В Лидином голосе решимость соединялась со смятением. – Чтобы ты не считала меня предательницей.

– Да я и не считаю, – пожала плечами Вера. – У каждого свои резоны.

– Тут не о резонах... Вера, я жду ребенка.

Если бы Лида плеснула сестре в лицо холодной воды, эффект был бы меньше.

– То... то есть... – с трудом выговорила оторопевшая Вера. – От Федора?! Господи, что я спрашиваю... От кого же еще. – Она подошла к Лиде, потом отшатнулась от нее, потом подошла снова. – И ты уезжаешь? Ждешь от Федора ребенка – и уезжаешь?!

– Именно потому уезжаю, – мертвым голосом ответила Лида.

– Ты просто... просто... – Вера не находила слов. – У тебя мозги набекрень!

– Ну как же ты не понимаешь? – с тоской произнесла Лида.

– Я понимаю! Я вот именно понимаю! – воскликнула Вера. – Невозможно уехать от отца своего ребенка, вот что я понимаю!

– А как я ему скажу, этому ребенку, что один его дед убил другого? – Тихая укоризна сменилась в Лидином голосе возмущением. – А потом его отец убил своего отца... О господи! Кем он вырастет, зная такое? Как он вообще вырастет во всем этом ужасе? Об этом ты подумала? Или для тебя все это норма теперь? Как для того, в кожанке?

Пока Лида произносила свою возмущенную тираду, Вера успокоилась.

– То есть Федор о ребенке не знает? – уточнила она.

– Нет.

Вошла Надя, и разговор старших сестер прервался.

– Присядем на дорогу, – сказала Лида.

Молчание трех сестер, последний раз сидящих рядом на стульях в родном доме, было таким же осязаемым, как горе. Когда Надя была совсем маленькая, Лида и Вера, тоже не взрослые, составляли эти стулья и играли вместе с ней в поезд.

Лида встала первая, взяла Надю за руку. Вера пошла было за ними к двери, но Лида остановила ее.

– Не ходи, – чуть слышно сказала она. – Простимся здесь. Пожалуйста.

Лида отпустила Надину руку и обняла Веру – порывисто, отчаянно. Надя заплакала. Лида взяла ее за руку снова и, увлекая за собою, выбежала из комнаты.

Когда телега, увозящая сестер, скрылась из виду, Вера прижалась лбом к холодному оконному стеклу и с тем упорством, которое ужасало маму, еще когда Вере было лет пять, произнесла:

– У меня все получится. Иначе быть не может.

На аллее, ведущей от парковых ворот, показался всадник. Увидев его, Вера ахнула и выбежала из комнаты.

Федор протянул ей бумагу, даже не спешившись.

– Все сделал, что ты говорила, – сказал он. – Передай Лиде.

Вера быстро пробежала глазами эту бумагу с синей печатью.

– «... постановлением Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов... музей-заповедник Ангелово...» Федя! – воскликнула она. – Я же к тебе вчера только приходила! И ты за один день успел?!

Федор спрыгнул с коня. Он смотрел на Веру такими глазами, что ей показалось, он не слышит ее слов.

– Ты сказала, она ко мне вернется, если сделаю, – произнес он едва ли не с иступлением. – Передай ей поскорее.

Его чувство было таким неприкрыто сильным, что Вера растерялась. Впрочем, лишь на мгновение.

– Это невозможно, – сглотнув, проговорила она.

– Почему? – не понял он. И тут же воскликнул: – Что с ней?!

– Она уехала. В Париж.

Федор побледнел так, что Вере стало страшно.

– Когда? – помолчав, выговорил он.

Вера колебалась опять-таки не дольше мгновения. Что значит какая-то ложь, когда на кону вся ее жизнь?

– Вчера утром, – ответила она. И поспешно добавила: – Я не знала, что Лида уезжает! Она... в один час собралась...

Может, если бы известие о Лидином отъезде было для Федора меньшим потрясением, он догадался бы, что Вера врет. Или спросил бы еще кого-нибудь. Но ему было не до расспросов, да и все, что Лида высказала в последнюю их встречу, не располагало к сомнениям.

Не сказав больше ни слова, он медленно пошел прочь.

– Федя! – Вера догнала Федора, обежала его, пытаясь заглянуть ему в лицо. – Ну что ты? Она... она... Лида тебя недостойна! А я все сделаю! Давай потом все обсудим, хорошо? – попросила она. – И про музей, и вообще...

Все-таки Федор Кондратьев был не тем человеком, который дал бы себя сломить даже очень сильному горю. Когда Вере удалось поймать его взгляд, в его глазах уже не было смятения.

Правда, ничего в них не было – они зияли темной пустотой.

– Не будет «потом», – коротко произнес он.

– Почему не будет? – растерялась Вера.

Федор не ответил и не остановился.

– Я же из-за тебя здесь осталась! – в отчаянии закричала она ему вслед. – Только из-за тебя!

Федор не обернулся. Конь, которого он не привязал, пошел вслед за хозяином. Остолбенев, Вера смотрела, как в конце аллеи он вскакивает на коня.

– Тогда зачем я осталась?.. – в ужасе проговорила она. – Что же я наделала?!

Тишина стояла в музейном зале, мрак окутал его. И свеча, которую Вера держала в поднятой руке, не могла развеять этот мрак. Сурово смотрели лики с икон, таинственно улыбались драконы на китайских вазах, блики дрожали на лепестках золотой розы...

– Что же теперь делать? – с тоской проговорила Вера, обводя взглядом Ангеловскую коллекцию: – Зачем мне все это?!

Неизвестно, сколько она стояла бы здесь в ужасе и отчаянии, если бы не стук во входную дверь. В этом стуке ужаса было не меньше, чем в Вериной душе.

Она поскорее задула свечу и на цыпочках выбежала из зала.

– Вера! Верочка, открой, это я! – слышалось с крыльца.

– Господи! Что случилось?! – воскликнула она, распахивая дверь.

– Ничего не случилось, Верочка! – торопливо проговорила Надя. – Я просто вернулась.

Вид у нее, стоящей на крыльце, был такой жалостный, что дрогнуло даже Верино сердце. Вся мокрая, замерзшая, лицо в угольной пыли...

– Я вышла на полустанке, – сказала Надя.

– Этого только не хватало! – воскликнула Вера и, схватив сестру за руку, втащила в дом.

Через полчаса Надя, уже отмытая и укутанная в теплое одеяло, сидела на своей кровати и пила заваренный кипятком зверобой с хлебом, а Вера ходила по комнате и отчитывала ее:

– Как только тебе в голову такое пришло? Ты понимаешь, что с тобой могло случиться? Одна на железной дороге! Тебя могли убить, могли в детприемник забрать! А Лиде теперь каково, ты представляешь?

– Я Лиде записку оставила. – Надя шмыгнула носом. – Написала, что в Ангелово возвращаюсь. Верочка... – жалобно проговорила она. – Лида ведь сама говорила: нельзя предавать родной дом. А потом... С ней что-то случилось. Может, ее оборотень заколдовал?

– Надоели глупости! – сердито воскликнула Вера.

– Я тебе во всем-всем буду помогать! – горячо проговорила Надя. – И мы с тобой все сохраним. А потом Ангел-хранитель вернется, и все опять будет хорошо. И Лида приедет обратно.

– Ложись спать, – устало сказала Вера. – Ничего теперь не поделаешь. – И повторила не для сестры уже, а для себя самой: – Ничего не поделаешь...

Глава 11

В свои тридцать пять лет Геннадий Петрович Хопёр был лысоват, полноват и втайне переживал по этому поводу. Впрочем, солидное положение, приобретенное им в советской иерархии, позволяло гнать от себя переживания подобного рода. Да и женщины, как он однажды догадался, считали такое положение не менее важным для мужчины качеством, чем высокий рост и стать. Даже более, может, важным качеством они это считали.

Произнося все это едва ли не вслух, Геннадий Петрович вышел из автомобиля перед особняком и, бросив шоферу: «Ожидай. Дам знать», – поднялся на крыльцо.

В зале ангеловского дома шла та самая гулянка, которую кто-то, может, назвал бы нэпманской и нуворишеской, но товарищ Хопёр любил. И то – плохо ли? Зал чистый, просторный, на стенах картины висят, другие всяческие произведения искусства в стеклянных витринах расставлены, а главное, люди собрались солидные, женщины красивые. Умеет Вера Андреевна приятную вечеринку организовать, в этом ей не откажешь. Да и ни в чем ей не откажешь – женщина на все сто, чего уж.

Хопёр окинул цепким взглядом собравшихся. Знакомых много, а кто и незнакомый, про того все равно понятно, кто он есть такой. Либо человек партийный, начальник среднего или даже более высокого, как и сам Хопёр, пошиба, либо техническая интеллигенция, инженер какой-нибудь то бишь, либо богема, либо нэпман. Типичная картина года одна тысяча девятьсот двадцать девятого, в котором всем им пришлось жить. И жить, грех жаловаться, неплохо.

Когда Хопёр вошел в зал, гости слушали музыкальный номер – шикарную певицу в золотом платье и в эдаких каких-то туфельках, в которых непонятно как и ходят. Хопёру, во всяком случае, это было непонятно.

А вот Верочку певицыными туфельками не напугаешь. Она и сама вон на каких высоченных каблуках, но походка у нее от этого только соблазнительнее выглядит. Вообще, надо сказать, в свои двадцать семь лет – Хопёр недавно как раз ознакомился с личным делом – Вера Андреевна Ангелова, русская, беспартийная, из дворян, выглядит так, что мужчины при одном ее виде слюни пускают. И умеют же эти женщины!.. Вроде ничего особенного в Вериней внешности нету, на Хопёров вкус, пожалуй, тонковата она, резковата и не блондинка, а шатенка, и глаза хотелось бы не темные и узкие, а голубые и огромные, как озера. А все-таки выглядит так эффектно, что Хопёр с большим удовольствием за ней приударил бы. Если б не боялся нарваться на едкое словцо – язычок у Веры Андреевны не дай бог, лучше не связываться даже ему, хоть он и непосредственный ее начальник.

Песня – романс, что ли? Хопёр в этом не разбирался – закончилась. Все заплодировали. Увидев Хопёра, Вера подошла к нему с самой обворожительной улыбкой.

– Геннадий Петрович! – воскликнула она. – Как мы все рады!

При этих словах, да пока Хопёр прикладывался к Вериней ручке, какая-то бледная девица пошла к выходу из зала. Хопёр на это внимания не обратил, а вот один из мужчин, наоборот, обратил самое пристальное внимание и двинулся вслед за девицей.

Он догнал ее уже за дверями зала и окликнул:

– Надежда Андреевна! Здравствуйте.

Надя остановилась и взглядела в его лицо. Некрасивое, но не отталкивающее – наоборот, чем-то привлекательное. Человечным выражением, видимо. Впрочем, все равно.

– Здравствуйте. Разве мы знакомы? – спросила она.

– Вера Андреевна говорила, что у нее есть сестра, – ответил он. – Я догадался, что это вы.

– Как вы могли догадаться? – пожала плечами Надя. – Мы с Верой совсем непохожи.

– Ошибаетесь. – Он покачал головой. – Внешне – да, непохожи. Но по сути – очень.

– Вы ясновидящий? – усмехнулась Надя.

– Я врач. Неплохой диагност, – объяснил он. И представился: – Семен Борисович Фамицкий.

– Надя. Ангелова. Извините, я должна идти.

– Почему? Смотрите, как весело!

С этими словами он неожиданно открыл обе створки дверей, ведущих в зал. Скорее всего, сделал это не без умысла – чтобы Надя не смогла отвертеться, представ в широко распахнутых дверях перед всеми гостями.

Все в самом деле обернулись к ней. Кроме, может быть, Хопёра: он в этот момент как раз намеревался выпить на брудершафт с Верой, их руки были переплетены.

– Надежда Андреевна! – раздались многочисленные голоса. – Что это вы нас покидаете?

Однако Надя, несмотря на юный свой возраст, была не из тех, кого можно заставить делать то, что сама она делать не хочет.

– Извините. Я должна идти, – сказала она.

И закрыла двери зала.

На этот раз Фамицкий догнал ее у лестницы, ведущей на второй этаж.

– Надя! Почему вы уходите? – спросил он.

– Не выношу, когда мне что бы то ни было навязывают, – сердито ответила она.

– Странно, – пожал плечами он.

Надя не поняла, что означают его слова, и любопытство заставило ее приостановиться.

– Что вам странно? – спросила она.

– Что у вас сильный характер. Судя по внешности, он должен быть другим.

Резко повернувшись, Надя ушла, не обращая больше внимания на внимательно смотрящего ей вслед Семена Фамицкого.

Он вернулся в зал как раз в тот момент, когда корпулентный мужчина в кителе выговаривал Вере:

– Однако некрасиво так-то. Брезгует нами ваша сестрица, что ли?

– Что вы, товарищ Самохвалов! – улыбаясь самым очаровательным образом, возразила Вера. – Она нездорова просто.

– Ну так и лежала бы в кровати, раз нездорова, – недовольно заметил тот. – А то, понимаешь, выказывает пренебрежение.

– В самом деле, – кивнула Вера. – Сейчас скажу ей, чтобы легла. Пейте шампанское, товарищи! – напомнила она, идя к двери.

– Вера Андреевна, а брудершафт? – напомнил Хопёр. – Давайте-давайте! Пора на «ты» переходить.

– Конечно, Геннадий Петрович, – улыбнулась Вера.

Она и Хопёр снова взяли наполненные бокалы. Когда, допив шампанское до дна, Хопёр страстно поцеловал Веру в губы, все встретили это аплодисментами.

– Вот теперь – на «ты»! А, Верочка-красавица? – подмигнул Хопёр.

– Да!

Верино лицо сияло так, что самый подозрительный тип не усомнился бы в том, что она абсолютно счастлива. Под всеобщий радостный вопль Хопёр поцеловал ее снова.

– Вот это я понимаю! – одобрительно заметил товарищ Самохвалов.

– Что понимаешь, а? – Незаметно подошедшая сухопарая супруга ткнула его пальцем под ребро и зловеще напомнила: – Смотри у меня!

Пока Самохваловы выясняли отношения, а гости выпивали, Вера снова направилась к двери.

– Куда ж ты, красота моя? – завопил Хопёр. – У меня для тебя сюрприз!

– Буквально на пять минут, Геннадий Петрович.

Вера приветливо помахала ему. Блеснуло на ее среднем пальце кольцо с изумрудом.

– Гена! Для тебя теперь Гена, – напомнил Хопёр.

Она потрепала его по щеке и пообещала:

– Сейчас вернусь, Геночка.

Выйдя из зала, Вера вынула из сумочки белый платочек и брезгливо вытерла губы, не обращая внимания на то, что и яркая помада при этом стерлась тоже. Вместе с обворожительной улыбкой.

В комнату к сестре она вошла без стука.

– Что это такое? – резко спросила Вера.

– О чем ты? – не вставая с кровати, на которой лежала одетая, и даже не оборачиваясь, проговорила Надя.

– Не притворяйся, все ты прекрасно понимаешь.

– Ты тоже.

– Ты повела себя вызывающе, – сердито заметила Вера. – И поставила меня в идиотское положение.

– Ты сама себя в него поставила. – Надя села на кровати. – Да, Вера, да! Я молчу, молчу... Но ведь это невыносимо! Эти вечеринки... Прямо в музейном зале!

– А где, по-твоему, я должна их устраивать? – пожала плечами Вера. – В складском флигеле?

– А зачем их вообще устраивать?

– Вон оно что... – протянула Вера – Осуждаем?

– Не осуждаем, а... Это предательство, Вера, неужели ты не понимаешь?

– И что же я предала, по-твоему? – холодно поинтересовалась Вера.

– Все! Все, что было нам дорого. Всю нашу память.

Во взгляде, которым Вера окинула сестру, сквозило искреннее недоумение.

– Не пойму, ты блаженная или просто дура? – произнесла она. – Чтобы дура – вроде нет: экскурсии водишь, вполне в уме. А ты понимаешь, что если я всех этих Хопёров здесь развлекать не буду, у нас эту память в любой момент изымут? Наденька, ты что, до сих пор считаешь, что это все – наше?

– Я не... – начала было Надя.

– Ангелово уже десять лет как национализировано. Забыла? – оборвала ее Вера. – И мы здесь никто! Призраки! Фу – и нету нас. – Она подула на ладонь. – Или вообще раздавят, как... Ты что, думаешь, мы благоволением божьим существуем? Чистоплюйка, – жестко бросила она. – Такие, как ты, и позволили все уничтожить. А я не позволю себя на улицу вышвырнуть!

Надя вскочила с кровати и выбежала из комнаты. Вера подошла к зеркалу и, вглядываясь в свое лицо, в его резкие и холодные черты, повторила:

– Не позволю.

Она достала из сумочки алую помаду, снова накрасила губы и, полюбовавшись результатом, решительным шагом вышла из комнаты. На боевой пост.

Как только Вера вошла в зал, Хопёр двинулся ей навстречу. За ним следовал высокий представительный мужчина. Костюм на этом товарище явно заслуживал внимания, так как пошит был отнюдь не в Москвошвее, это Вера сразу поняла.

– Верунчик, а вот и сюрприз! – воскликнул Хопёр. – Я же обещал. – Подойдя к Вере быстрее своего спутника, он тихо проговорил: – Из наркомата иностранных дел, очень влиятельный товарищ. – И громко произнес: – Позволь тебе представить товарища Смирнова Сергея Петровича.

Вера наконец перевела взгляд с пиджака товарища Смирнова на его лицо. И едва удержала вскрик. Товарищ Смирнов усмехнулся – он-то знал, кого увидит.

– А мы уже знакомы. Правда, Вера Андреевна? – сказал Смирнов. Он взял ее под руку и, отводя в тот угол зала, где висели на стене иконы из Ангеловской церкви, заметил: – А вы оборотистая дама.

– Почему вы решили? – поинтересовалась Вера.

Она не стала бы тем, кем стала, если бы не научилась управлять собою.

Смирнов кивнул на стену с иконами, обвел взглядом зал и пояснил:

– Сохранили-таки свою коллекцию.

– Она не моя. Это народное достояние.

– Экскурсантам рассказывайте, – усмехнулся Смирнов. – А я еще десять лет назад конфисковал бы все эти ризы и прочие штучки. Если б вы вовремя не подсустились и не оформили документы на музей. – Он оглядел Веру с нескрываемым интересом. – Как вам это удалось, между прочим?

– Свет не без добрых людей, – усмехнулась она в ответ.

– Вот только добрые люди не каждому встречаются. Я и говорю: оборотистая дама. – Взгляд его сделался настолько откровенным, что Вера похолодела. – Очень вы с тех пор переменялись, – с ухмылкой заявил он. – Тогда, уж извините, не на что было посмотреть, ни рожи ни кожи. То ли дело теперь!

– Это комплимент или оскорбление?

– А стакан наполовину пуст или наполовину полон?

– Значит, комплимент, – заключила Вера.

Смирнов расхохотался.

– Ума палата! – И небрежным тоном спросил: – А где, между прочим, этот ваш здешний Ангел-хранитель?

– Откуда вы про него знаете? – насторожилась Вера.

– Икона известная. В научных статьях описана.

– Вы научные статьи читаете? Зачем?

– Для общего развития, – сухо ответил он.

– Икона Ангела-хранителя пропала во время Гражданской войны, – так же сухо отчиталась Вера.

– Вот прямо сама взяла и пропала? – Смирнов сверлил ее взглядом. – А может, кто-нибудь помог? Ладно, Вера Андреевна, это мы успеем с вами обсудить, – заключил он. – Время у нас будет. Ну, пойдете веселиться!

– Веселиться... Обхохочешься! – идя вслед за Смирновым, пробормотала себе под нос Вера.

Но возмущаться вслух она позволить себе не могла.

Глава 12

– Скучаю по тебе...

Паша с трудом оторвался от Надиных губ, глянул ей в глаза.

– В Москве – скучаешь? – улыбнулась она.

– Конечно.

Его глаза, с детства ей знакомые, ясные, как у боттичеллиевского ангела, смотрели с той серьезностью, которую она так любила в нем. Впрочем, она все любила в нем, и неполнота сближения, которая еще сохранялась между ними, лишь усиливала ее любовь.

– У тебя же талант, Паша, – глядя в эти любимые глаза, сказала Надя. – Это такое счастье! – И попросила: – Расскажи мне о своей жизни.

Они остановились под окнами кондратьевской избы. В тишине летнего вечера далеко по деревне был слышен их разговор, но обоим ни до кого не было дела. Паша сдавал экзамены после первого курса Московского училища живописи, ваяния и зодчества, поэтому в Ангелово не был уже три месяца.

Они сели на завалинку, и он стал рассказывать о своих занятиях, преподавателях и планах.

– Техника холодной чеканки веками не менялась, – говорил Паша. – А я вот подумал: что, если ее с резьбой по дереву соединить?

– Паша... – вдруг спросила Надя. – А почему ты меня в Москву к себе не зовешь?

– Так ведь жилья нет, – смущенно ответил он. – В чужой мастерской из милости ночую.

– Извини, – вздохнула она. – Я понимаю.

– Стану знаменитым, сразу тебя заберу! – горячо проговорил Паша.

– Правда?

Ее лицо просияло.

– Конечно!

И, притянув Надю к себе, Паша снова стал целовать ее.

Оба, конечно, не видели, как Авдотья Кондратьева, стоящая в избе у окна и подслушивающая, в сердцах плюнула и прошипела:

– Шалава! Покоя нету от проклятых ангеловских!

Вера вошла в комнату к сестре, когда Надя, уже в ночной рубашке, причесывалась перед сном. Разница между резкой и яркой Вериней и русалочьей и блеклой Надиной внешностью была сейчас особенно заметна.

– Завтра меня весь день не будет, – сообщила Вера. – В Главнауку поеду.

– Зачем? – удивилась Надя. – Мы же все отчеты только что сдали. – И тут же смущенно добавила: – Прости меня, Верочка.

– За что? – пожала плечами та.

– Я же понимаю, каково тебе одной все тащить...

– Счастье, что удается. Пока.

– Я не умею тебе помочь, – грустно заметила Надя.

– А я ни от кого помощи не жду, – отрезала Вера. И без паузы добавила: – Выходила бы ты замуж.

– Что ты вдруг? – удивилась Надя.

– Не вдруг. Такому эфемерному созданию, как ты, нужна опора. Я на твоём месте присмотрелась бы к Фамицкому.

– Кто это Фамицкий?

– Семен Борисович Фамицкий. Врач. Из зала за тобой выскочил, – напомнила Вера.

А!.. – вспомнила Надя. – Да я же его сегодня впервые увидела.
– Одного взгляда вполне достаточно. Будет отличный муж и отец.
– С чего ты взяла? – улыбнулась Надя.
– Это написано у него на лбу, – пожала плечами Вера. – Крупными буквами. – И, заметив мечтательное выражение, мелькнувшее по лицу сестры, сердито сказала: – Надя! Перестань!
– Что перестать? – смутилась та.
– Перестань думать о Пашке Кондратьеве. Он что, на каникулы приехал?
– Откуда ты знаешь?
– Откуда знаю, когда у студентов бывают каникулы?
– Откуда знаешь, что я думаю о Паше.
– У тебя тоже все написано на лбу, – вздохнула Вера. И повторила: – Выбрось его из головы.
– Почему? – помрачнела Надя.
– Потому что недолго он будет помнить бледную музейную деву. Еще один год учебы, не более.
– Ты ошибаешься! – с детской горячностью воскликнула Надя.
– Посмотришь.
– Вера... – спросила Надя. – А почему ты сама замуж не выходишь?
– Интересно, за кого? – усмехнулась Вера. – За Хопёра? Ты, моя дорогая, была слишком мала, а я отлично помню: женщины нашего круга всегда выходили замуж только за достойных мужчин. Или уж оставались независимыми. Если бы не революция, то я, наверное, была бы известной эмансипэ. Ездила бы в Париж на съезды суфражисток!
Тут по ее лицу будто печальная тень пробежала, и чуткая Надя сразу это заметила.
– О ком ты думаешь, Верочка? – спросила она с сочувственной тревогой.
Вера встряхнула головой, словно отгоняя ненужное воспоминание, и сказала:
– Почему непременно «о ком»? Нет, замуж я не выйду, – твердо добавила она. И положила перед сестрой вскрытый конверт, который достала из кармана своего ночного халата. – Чуть не забыла. Почитай.
– От Лиды! – обрадовалась Надя.
Она вынула письмо из конверта и начала читать про себя, но тут же взволнованно прочла и вслух:
– «Верочка, Надя, умоляю: приезжайте ко мне, пока это еще возможно. Не тешьте себя иллюзиями нэпа. В Сорбонне я общаюсь со знающими людьми, отсюда многое виднее. Я уверена, передышка в России ненадолго. Кровавое колесо уже не остановить, впереди страшные времена». Ты тоже так думаешь? – опустив руку с письмом, растерянно спросила Надя.
– Не знаю, – ответила Вера. – Но я слишком много сил вложила в Ангелово. И черт знает кому теперь оставить? Ни-за-что! – Она встала и, уже подойдя к двери, сказала: – А о Фамицком подумай.
Вряд ли Надя могла воспользоваться сестриним советом. Совсем о другом были ее мысли...

Этот другой тем временем ужинал, сидя за простым деревянным столом. В избе царило гнетущее молчание.

– Миски подай, – буркнула невестке Авдотья. – Не видишь, картошка стынет.

Наталья поспешно принесла глиняные миски. За десять лет замужества она стала выглядеть еще более унылой. Будто тяжкую ношу тянула. Что ж, удивляться не приходилось: хоть Степан и хороший муж, а только вечно всем недовольная свекровь из кого угодно все соки вытянет. Наталья так была ею зашугана, что и сейчас под Авдотьиным взглядом уронила миски, которые собиралась расставить на столе.

– Ох ты господи! – воскликнула Наталья, глядя на разлетевшиеся черепки. – Сейчас соберу, сейчас...

– Дура косорукая! – заорала свекровь. – Чего тут соберешь теперь, чего? Слезы мои ты соберешь!

Наталья зарыдала и выбежала из избы.

– Мать, ну что ты? – примирительно заметил Степан. – Разбила и разбила.

Но примирительный тон только еще больше рассердил Авдотью.

– Вот дал Бог сыночков! – запричитала она. – Один отца убил да сам сгинул. Другой жену поучить не может! Третий бирюльки мастерит, и забот ему нету!

Степан встал из-за стола и вышел, хлопнув дверью.

– Нешто это жизнь? – не унималась Авдотья. – Горе мое горькое! – Она обернулась к стене, на которой висели старые фотографии. – Тимофеюшка, голубчик, забери меня к себе!

Паша тоже поднялся из-за стола и, подойдя к матери, приобнял ее.

– Мам, не расстраивайся, – сказал он.

– Дак ведь глядеть тошно, как вы живете! – всхлинула та.

– Чем же плохо мы живем?

– А что хорошего? Степка вон женился на порожней бабе. Кто его старость доглядит?

За отсутствие детей Авдотья ненавидела невестку лютой ненавистью, забыв при этом, как сама же проедала Степану голову, убеждая его жениться на Наташке-сироте, чтоб та ему всю жизнь благодарная была, а ей бы, матери, сватов не иметь и свар с ними не знать.

– Еще будут у них дети, – сказал Паша.

– Уж сколько годов нету, откуда вдруг возьмутся? А тебя Ангеловы проклятые испортили! Что ты в той Москве делаешь?

– Учусь, мам. – Он достал из-за пазухи деньги. – Вот, возьми.

Вид денег подействовал на Авдотью лучше всяких утешений.

– Откуда у тебя? – Она быстро пересчитала их. – Ого!

– Чеканку на заказ сделал для нэпманской квартиры, – ответил Паша. И, кивнув на черепки, добавил: – Купи новые миски.

Довольная Авдотья спрятала деньги на груди.

– Ну, гляди сам, сынок, – сказала она. И деловито посоветовала: – Найди себе в Москве годную девку.

– Годную – это какую? – улыбнулся Паша.

– Пролетарку бери. Вон, Степка влип, как муха в навоз. Куда теперь денется? Жена не рукавица. А от деревенской нынче толку нету. Из бывших братья – тоже не дай бог. А пролетарки – они теперь в чести. В начальники выйдешь.

– Глупости, мам, – махнул рукой Паша.

– А Степке скажи, чтоб поостроже с бабой-то, – не унималась Авдотья. – Может, хоть тебя послушается, побьет ее, чтоб место свое знала.

Спорить с матерью было бесполезно. Да и не хотел Паша тратить на это время. Как и на то, чтобы убеждать брата бить жену – еще не хватало!

Степан никогда не ожидал для себя какой-то особенной, яркой жизни. Еще в юности он понял, что Бог не дал ему ни таланта, как у брата Пашки, ни способностей руководить людьми, как у брата Федора, – и никакого горя от этого не испытывал. Он принимал жизнь такой, как есть, и относился к людям по-человечески в любых обстоятельствах, прощая им недостатки и не подозревая, что способность к этому сама по себе является даром. Именно потому так мучило его отношение матери к его жене. Ну да, женился он на Наталье, не заметив как – прильнула она к его жизни, и само собою вышло, что уж вроде и нельзя не жениться, жалко же

девку, вся деревня над ней посмеивается. А любовь... Да есть ли она? Если и есть, то у таких, как Пашка. Тоже как талант, наверное, не всякому от Бога положена.

Степан поднял фонарь повыше, осветил сеновал и спросил:

– Наташ! Ты здесь?

Из дальнего угла донеслось всхлипывание, поднялась Наталья голова, растрепанная, в клочках сена. Степан терпеть не мог бабьих слез.

– Ну чего реवेशь? – поморщился он.

– А что ж мне делать, Степушка? – прорыдала Наталья. – Какая моя жизнь? Каждый день попреки!

– А зачем терпишь?

– А куда денешься? – вздохнула Наталья. – Ведь и ты терпишь.

– Это да, – пробормотал Степан. – Никуда теперь не денешься.

– Уж я и к бабке ходила, Степа, – виновато проговорила Наталья. – И к знахарю.

– Зачем? – не понял он.

– Ну как же? Брюхо-то... Порожнее. – Она снова всхлипнула. – Чем я господу прогневила?

– Да хватит тебе ныть! – взорвался Степан. – Без тебя тошно.

Смутное недовольство обстоятельствами и собой в этих обстоятельствах сменилось в его душе гневом – на жизнь, а больше на себя самого. Он не ожидал от себя такого сильного чувства.

– Не буду, Степушка, – испуганно закивала Наталья. – Вот и знахарь сказал: сама ты виноватая, что мужик твой зажечься не может...

Степан посмотрел на нее с недоумением. И вдруг, поставив фонарь на деревянную балку, резко притянул к себе жену.

– Чего ты, чего? – вскрикнула Наталья, испугавшись, наверное, что муж наконец выполнит матерно желание и начнет ее бить.

– Я – зажечься не могу?.. – проревел Степан. – Я?!

Взметнулась над сеном Наталья юбка, взметнулись белые худые ее ноги... Вдрагивал огонек в керосиновом фонаре, бешено, яростно металось, сплетаясь, тени мужчины и женщины в полумраке сеновала.

Глава 13

– Вера Андреевна!

Она обернулась и, постаравшись, чтобы в голосе не слышалось ничего кроме отстраненной приветливости, произнесла:

– Здравствуйте, Сергей Петрович.

– А мне показалось, вы не запомнили, как меня зовут, – сказал, выходя из машины, Смирнов.

Он шел по залитой солнцем Петровке и сверлил Веру таким взглядом, что трудно было не поежиться.

– Я помню все, что мне необходимо, – ответила она.

– Это комплимент! – усмехнулся он.

– Кому же? – улыбнулась Вера.

Да, лучше улыбнуться и постараться, чтобы улыбка вышла соблазнительной. Опасных людей лучше соблазнять. Неприятный, но самый надежный способ нейтрализовать опасность.

– Мне, – ответил он. – Вы правильно понимаете: я вам необходим. Зачем вы направились напрямик в Главнауку? – Он кивнул на вывеску над дверью ближайшего дома. – Голову отдам – проверить, все ли в порядке с документами на музей.

Опасен, опасен. И догадлив сверх всякой меры. Вера приезжала в организацию, в подчинении которой находился музей-заповедник Ангелово, именно с этой целью.

– В Главнауку я езжу постоянно, – пожала плечами она. – Здесь мое начальство. И по счастью, от Ангелова пустили электричку, ездить теперь удобно.

– Верочка, ум у вас острый и быстрый, это я уже понял, – усмехнулся Смирнов. – Но поймите и вы: если я захочу прикрыть этот ваш так называемый музей – а фактически, уютное дворянское гнездышко, которое вы сохранили лично для себя, – то это не составит мне труда. Предлагаю все обсудить за обедом. Не против?

Что можно было ответить на такую тираду? Тем более что он уже распахнул перед ней дверцу своего авто.

– Не против, – сопроводив свои слова такой улыбкой, будто он ее не шантажирует, а приглашает к приятному времяпрепровождению, ответила Вера.

Кстати, она действительно проголодалась, а «Славянский базар», в который привез ее Смирнов, был ресторан из лучших. Некоторая нэпманская вульгарность в нем, правда, появилась, но все же чувствовался старый лоск. И расстегаи по-прежнему подавали. Вера вспомнила, как однажды папа брал всех трех своих дочек с собой в Москву и водил обедать в «Славянский базар»... Она постаралась поскорее отогнать это воспоминание.

– И ради этого я кровь проливал в Гражданскую? – патетически заметил Смирнов, придвигая Вере вазочку с паюсной икрой.

– Интуиция мне подсказывает: именно ради этого, – заметила она.

– Ошибается ваша интуиция.

– Почему? – поинтересовалась Вера.

Только чтобы разговор поддержать, поинтересовалась, вообще-то ответ был ей безразличен.

Однако он оказался неожиданным, его ответ.

– Потому что все это без корней, – сказал Смирнов. – Пух на одуванчике. Дунь – и улетит.

– Не понимаю... – проговорила Вера.

– В Европе когда последний раз были? – небрежным тоном спросил он.

– Гимназисткой, – быстро ответила она. – С папой ездила.

– А я пять лет назад впервые по службе попал. В Берлин. И сразу понял: вот там рестораны, отели, дороги, да все – как дерево. Срубишь его, а из корней-то новая поросль пойдет. Через год-другой смотришь – опять дерево стоит, краше прежнего. – Он обвел рукой зал с бронзовыми канделябрами и тяжелыми портъерами и заключил: – А тут все это – пух на одуванчике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.